

Анна Старобинец

БОГИ ЖАНГО

**ЗВЕРСКИЙ
ДЕТЕКТИВ**

художник
Мария Муравски

абрикобукс

Зверский детектив

Анна Старобинец

Зверский детектив. Боги манго

«Абрикос»

2019

УДК 82-34
ББК 84(2Рос=Рус)6С77

Старобинец А. А.

Зверский детектив. Боги манго / А. А. Старобинец — «Абрикос»,
2019 — (Зверский детектив)

ISBN 978-5-6043489-0-1

«Боги Манго» – пятая часть «Зверского детектива». Барсуки Полиции Дальнего Леса отправляются в командировку в африканскую саванну, чтобы расследовать дело о похищении детёныша Изысканных Жирафов, новорожденного жирафика Рафика. Смертельная опасность сопровождает Барсукам Полиции постоянно. Ведь Дальнее Редколесье не щадит никого: ни чужих, ни своих. Это жуткое и опасное место, где царят жестокость и беззаконие, приносятся зверские жертвы и действует право сильного. Но для смелого и честного зверя Редколесье также может стать местом силы, помогающим зверю найти самого себя и истинную любовь. Барсук Старший, Барсукот и Гриф Стервятник не отступают перед трудностями. Они ведут следствие, руководствуясь справедливыми принципами, по которым живут обитатели их родного Дальнего Леса. Однако распутать это сложное дело – ещё не значит победить. Необходимо рассказать обитателям Редколесья открывшуюся тяжёлую правду. Но властям придерживающим правда совсем не нужна.

УДК 82-34
ББК 84(2Рос=Рус)6С77

ISBN 978-5-6043489-0-1

© Старобинец А. А., 2019

© Абрикос, 2019

Содержание

Глава 1, в которой зверское счастье откладывается	8
Глава 2, в которой зверский образ жизни нарушается	12
Глава 3, в которой намечен брачный период	16
Глава 4, в которой дают команду на взлёт	18
Глава 5, в которой навигация неисправна	20
Глава 6, в которой качают пустую колыбель	24
Глава 7, в которой отменяют линию горизонта	27
Глава 8, в которой пересекают границу	30
Глава 9, в которой выход расположен в головной части поезда	34
Глава 10, в которой дают клятву верности	41
Глава 11, в которой много врагов	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Анна Альфредовна Старобинец Боги Манго. Зверский детектив

© Анна Старобинец, 2019

© Мария Муравски, 2019

© ООО «Издательство «Абрикос», 2023

© ООО «Абрикос Пабблишинг», 2023

vk.com/apricotbooks

<https://t.me/apricotbooks>

Глава 1, в которой зверское счастье откладывается

– Кому молоко с хлопьями? – Барсук Старший, не дожидаясь ответа, насыпал хлопьев в три берестяные плошки – себе, Барсуку и Барбаре – и залил молоком. Он знал, что они не откажутся.

– А хлопья какие, папа? – закричала с террасы Барбара.

– С желудями и сухими личинками, как ты любишь!

– Тогда мне побольше!

– А я такие не люблю, – огорчился Барсуко. – Мне тогда молока побольше, а хлопьев поменьше.

– Для тебя у меня есть «Завтрак чемпиона» – сухие хлопья с добавлением живых водомёрок!

Барсук Старший вынес на террасу поднос с завтраком и травяным чаем, огляделся и потянул носом. Терпкий, пряный запах осени, запах поздних, червивых грибов. Золотисто-рыжая листва, точно шкура волшебного пятнистого зверя, выброшена на деревья. На столе – молоко с хлопьями. За столом – двое его детей, родная дочь и приёмный сын, они работают вместе, они пошли по его стопам. Всё это в сумме называется счастье. Простое зверское счастье.

– Ну, как там у вас в полиции? – Барсук Старший шумно отхлебнул хлопьев прямо из плошки.

– У нас в полиции, – поправил его Барсуко. – Ты ведь просто в отпуске, Старший.

– Ну... я хотел сказать, как там ваше дело, подвижки есть?

– Ты имеешь в виду дело о воробьином помёте? – Барсуко, прищурившись, наблюдал за парой водомёрок, панически носившихся туда-сюда по поверхности молока в его плошке. Одна бегала кругами, другая зигзагами. – Да, подвижки. Ещё какие. Воробушек Роберт признался, что помёт рядом с баром «Сучок» – его, но отказался заплатить штраф, потому что после ошипа, как он утверждает, у него начались серьёзные психические проблемы. Ему кажется, что за ним следят. Чтобы успокоиться, он ежедневно наклёвывается в баре забродившей клюквы, а от клюквы у него несваренье желудка... Одну секунду...

Водомёрке, бегавшей зигзагом, удалось-таки вырваться за пределы берестяной плошки. Барсуко мгновенно накрыл её мягкой лапой, дождался несколько секунд, отпустил. Водомёрка неумело заковыляла по деревянной столешнице. Он накрыл её лапой снова.

– Какой ты ловкий, – улыбнулась Барбара.

– Чтоб поймать бредущую по столу водомёрку, большого таланта не надо. – Барсуко печально сунул дезертировавшее насекомое в рот. – Видела бы ты, как я ловил настоящих преступников!

– Ты опять про «настоящих преступников»? – строго спросил Барсук. – Ты ведь не хочешь, чтобы в Дальнем Лесу произошло ещё одно зверское преступление?

– Конечно, нет. – Барсуко подтолкнул наматывавшую круги водомёрку к центру плошки и утопил её в молоке, но она всплыла и забегала снова. – Я хочу всю жизнь вести увлекательное дело о воробьином помёте. Изучать встречный иск воробушка Роберта к бару «Сучок» по поводу низкого качества клюквы, делать запросы в клинику «Семейный Грач», чтобы узнать, как усваивают воробьи забродившие ягоды...

– Этот запрос делала я! – встряла Барбара.

– ...протоколировать беседу воробушка с Мышью Психологом, ежедневно исписывать груды бересты – да это просто работа мечты! Только что же ты зеваешь, а, Барсук Старший, ведь всё это так увлекательно?

– Я зеваю, потому что мне пора в спячку, и зима уже близко. А работа у вас нормальная, Младшие Барсуки Полиции. И раз серьёзных преступлений в Дальнем Лесу сейчас нет, значит,

вы делаете свою работу хорошо. Так что... я принял решение не возвращаться из отпуска, а уйти на пенсию и впасть в спячку. Вы справитесь без меня.

– Супермышь не отпустила тебя на пенсию, – напомнила Барбара.

– А я договорился с Царём зверей напрямую.

– Ты напрямую договорился с вожаком Союза Смешанных Лесов, папа?! – От удивления Барбара поперхнулась клопьями и закашлялась. – Барсукот, ты не постучишь мне по спинке?

– Конечно, Барбара. – Барсукот постучал её по спине, а потом погладил шёлковую, нежную шерсть на загривке. – Ну как, прошло?

– Да, я договорился напрямую. – Барсук Старший сделал вид, что не заметил поглаживаний. – Я ведь лично знаком с царём. То есть, я имел в виду, с вожаком. Когда он был царём, а я совсем юным Младшим Барсуком Полиции, он вручил мне медаль за храбрость из собственных лап. И сейчас он полностью поддержал моё решение впасть в почётную спячку. Как раз сегодня я жду Сороку с официальным письмом на хвосте. С минуты на минуту. У меня будет разрешение выйти на пенсию – с отпечатком львиных клыков и росчерком когтя. И никакая рылокрылая Супермышь не сможет мне помешать накрыться пледом и спать всю зиму на тёплом полу, а потом проснуться и съесть столько «Пня-Колоды», сколько захочется, и больше никогда не работать.

Барсук Старший сладко потянулся, посмотрел в осеннее, цвета мокрой волчьей шерсти, набрякшее дождём небо – и увидел чёрную точку, словно запутавшуюся в облаке-колтуне.

– Вот и она.

Точка выпуталась из колтуна и стала стремительно приближаться, пока не превратилась в Сороку.

– Холодно-то как. – Сорока тяжело шмякнулась на деревянный настил террасы, не успев выпустить лапы. – Зима-то близка-то. – Она стряхнула с заледеневшего хвоста влажный конверт с золотистыми вензелями. – Для Барсука-то для Старшего письмо-то с самого верха-то.

– Спасибо, Сорока. – Барсук Старший распечатал конверт, потрогал и понюхал отпечаток львиного зуба и аристократичную, царственную вязь на берестяном письме. – Я ждал этого момента так долго. – Он отхлебнул травяного чая, удобно расположился в плетёном кресле и принялся читать вслух. – «Барсук Старший, мой дорогой друг!..» Вот как ко мне обращается царь зверей, то есть вожак, представляете? Друг!.. «Мой дорогой друг! С прискорбием и грустью я вынужден сообщить, что твой выход на пенсию придётся отложить...» Что? Как это отложить? Выход на пенсию – не яйцо, чтобы его откладывать! Он там что, в маразме, этот царёк зверьков? «...Свой трон вожака я передаю преемнице – Супермышь. Сам же отбываю на родину, в Дальнее Редколесье, что раскинулось в африканской саванне. Отбываю в качестве миротворца. Надеюсь увидеться там с тобой в самое ближайшее время. Искренне твой, Лев, экс-царь зверей и экс-вожак Союза Смешанных Лесов».

Барсук Старший уронил письмо на колени и уставился в одну точку – на водомерку, уже не бегавшую по поверхности Барсукового молока, а мерно покачивавшуюся кверху пупом в центре плоски, среди разбухших клопьев.

– Да, он явно в маразме, этот зверёк царьков. – Барсукот подцепил водомерку когтем, вынул из плоски, потом стряхнул обратно в надежде, что она опять побежит и он сможет ещё чуть-чуть на неё поохотиться, но водомерка тяжело шмякнулась в молоко и пошла ко дну. – У него все смешанные леса смешались в сознании. Ты подумай, он считает, что ты обитаешь в африканской саванне! И надеется тебя там увидеть!

Барсукот нерешительно засмеялся, Барбара захихикала за ним следом, изящно прикрыв пасть лапкой, но Барсук Старший веселье не поддержал. Он тяжело вздохнул, положил письмо на стол, а потом вдруг припечатал лапой к столешнице. От удара со стола упал конверт с вензелями и опрокинулась плоска Барсукота. Вместе с молоком на деревянный настил выплес-

нулась утопшая водомерка – которая внезапно пришла в себя, зашевелилась и, путаясь в трёх парах длинных, заплетающихся лап, побрела по направлению к конверту, который явно показался ей самым надёжным убежищем из возможных.

Барсукот, хищно размахивая хвостом, дождался, когда водомерка скроется в конверте, а потом схватил его, выпустил когти и засунул внутрь лапу.

– Ой. – Барсукот пошевелил лапой. – Там, кажется, есть другое письмо, Старший.

Барсукот извлёк из конверта ещё один берестяной лист. На листе, растопырив шесть тонких лап, сидела водомерка. Барсукот стряхнул её раздражённым щелчком (ветер подхватил её и унёс в кусты, так что ей дано было испытать недоступное другим водомеркам чувство полёта, прежде чем до неё дошло, что она больше не является завтраком чемпиона и что жизнь продолжается, пусть и без сестры-близнеца, которой сегодня повезло меньше) – и положил письмо в центр стола. Косым и корявым почерком слабовидящего при дневном освещении зверя там было нацарапано следующее:

«Подчинённый Старший Барсук Полиции Дальнего Леса! В выходе на пенсию тебе отказано. Вместо этого я поручаю тебе и твоей команде ответственное дело, требующее немедленного выезда в Дальнее Редколесье. Местные не справляются. Нужно найти жирафика Рафика, новорожденного детёныша из клана Изысканных Жирафов. Предположительно, он похищен. Все подробности узнаешь на месте. Билеты передам по ква-каунту. Я – Суперзверь и не могу пользоваться такими допотопными средствами связи, как Сорока и её хвост.

С тёплым приветом,

супервозжак Союза Смешанных Лесов Рукокрылая Супермышь».

– Это я-то допотопная-то? – Сорока растерянно оглядела сотрудников полиции. – А вы-то то-то-то-то... то-то-тоже так думаете?

– Ну что ты, Сорока! Ты винтажная. Это последний крик моды, – утешила её Барбара.

– С каким она приветом-то? – переспросил Барсук Старший.

– С тёплым. – Барсукот слизнул со стола разлитое молоко.

– Не вылизывай стол, это неприлично! – возмутился Барсук Старший.

– А опрокидывать плошки и стучать по столу прилично? – вступилась за Барсукота Барбара.

– Если никто не видит, как я вылизываю стол, это прилично, – с достоинством парировал Барсукот.

– Но мы видели! – возразил Барсук.

– Вы – свои, это не считается. И вообще, вопросы этикета сейчас не первостепенны. Давайте лучше поговорим про нашу командировку в Дальнее Редколесье. Это близко? Сколько туда рысить?

– Не надо нам туда рысить, Барсукот. Пусть они сами ищут своих жирафов. Это на другом конце Земли. Вот, смотри... – Барсук Старший принялся чертить когтем на оборотной стороне письма Супермышы. – Вот схема нашего мира. Мировой океан, в нём плавают мировой морской ёж, на ежа наколота наша Земля, она плоская, по форме как большая, вытянутая доска...

– А я слышала, что Земля круглая, – встряла Барбара. – Типа яблока.

– Какой бред! Не слушай всякую ерунду, дочка. Земная доска плоская и прямоугольная. Над земной доской – небесные доски, среди них лунная доска, вот она действительно круглая, а на этой вот небесной доске живёт семья Небесных Медведей, но сейчас это не относится к делу... Ну так вот, на этом конце земной доски – Дальний Лес. – Барсук Старший вдавил в бересту коготь. – А вот здесь, на противоположном конце, – Редколесье. Оно делится на Ближнее и Дальнее. В Ближнем всё относительно цивилизованно, почти как у нас. А вот в

Дальнем царит полнейшее зверство... Что-то мне немного нехорошо. Наверное, от голода. Надо срочно перекусить.

– Но ты только что съел большую порцию клопьев с молоком, папа.

– Клопья – это не еда. Баловство. Пойдёмте-ка в бар «Сучок».

Глава 2, в которой зверский образ жизни нарушается

– В смысле – нет «Пня-Колоды»? – Барсук Старший непонимающе оглядел койота Йота. – Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, что мы исключили это блюдо из нашего меню по просьбе клиентов, ведущих ЗОЖ.

– Ведущих что ж?!

– ЗОЖ. Зверский образ жизни. «Пень-Колода» – высококалорийное жирное блюдо, которое вредит зверскому здоровью.

– Ты меня не понял, койот. Я не прошу тебя принести «Пень-Колоду» клиентам, которые ведут занудный образ жизни или заячий образ жизни. Я прошу тебя принести «Пень-Колоду» мне, Барсуку Старшему. Это моя любимая еда.

Койот Йот коротко хохотнул, зажмурился и замер на пару секунд.

– Хотите кофе? – спросил он глухо.

– Я не хочу кофе, Йот. Я хочу «Пень-Колоду».

– Хочу – не хочу – это вы дома будете... – Койот вдруг осёкся. – Я могу предложить вам кофе от заведения.

– Йот, что с тобой? Ты хорошо себя чувствуешь? Я. Не. Хочу. Кофе. – Барсук Старший постарался произнести эту фразу максимально членораздельно. – Принеси мне, пожалуйста, «Пень-Колоду».

– И мне тоже, – попросила Барбара.

– А мне карпаччо из дождевых червей, – вставил Барсукот.

– Наш кофе – это элитные сорта обжаренных желудей! – срывающимся голосом сообщил койот. – Капучино с изысканной снежноточной пенкой! Ха-ха! А «Пень-Колода» в нашем осеннем меню не числится! Что непонятно?! Аха-ха-ха! Не числится ваш червивый, жирный, трухлявый пень! – Йот отшвырнул блокнот, в который собирался записать заказ, сел на пол и завыл. – И черви не числятся, они тоже жирные, нездоровые!

– Больные черви? – уточнил Барсукот. – Тогда, конечно, не надо. Я не хочу от них заразиться.

– Они не больные, они не подходят для зверского образа жизни! Ха-ха-ха-ха-ха! Почему все хотят заказывать вредную пищу?! Наш бар «Сучок» заботится о вашем здоровье, для вас же стараешься, стараешься, хочешь как лучше, а вы потом приходите, хвостом тут вертите, и то вам не так, и это не так. Хотите кофе?! Кофе, я сказал! Что не ясно? Нет, я не справляюсь, я снова перестал себя контролировать, и всё из-за вас, это вы меня довели, а у меня ведь так хорошо получалось, ха-ха-ха-ха!

Койот Йот затрясся в рыданиях.

– Ну что ты, койот, ты замечательно себя контролируешь, – сочувственно произнесла Барбара. – Ты в этот раз гораздо дольше сохранял спокойствие, чем вчера. Да и вообще, по большому счёту, ты не терял хладнокровия: смотри, ты ничего не разбил, ни обо что не ударился...

– Отлично справляешься, парень, – вернул Барсукот.

– Да, правда? – Лицо Йота просветлело. – Это всё мышепсихотерапия. Не знаю, как я раньше без неё жил. Помогает брать себя в лапы. Сейчас я с Мышью Психологом как раз осваиваю зверские навыки травоядного общения, в частности технику ПИКПИК.

– А что это за пик-пик? – поморщился Барсукот. – Звучит как-то очень... по-мышинному.

– Да, это её авторская методика. ПИКПИК – значит «Прекрати Истерику, Койот, Предложи Им Кофе». Работает безотказно. Хотите кофе? Элитные сорта обжаренных желудей с воздушной пенкой из...

– Кофе брать не советую, – подал голос Гриф Стервятник из-за соседнего столика. – Слишком свежий. Но очень рекомендую муравьиные яйца пашот. Они, во-первых, позавчерашние, а во-вторых, помогают при облысении и других проблемах с шерстью и перьями. Взгляните. Я регулярно беру это блюдо – и вот уже не похож на птенца-мутанта, ведь правда?

– Конечно, Гриф. – Барсук покосился на короткие, встопорщенные перья Стервятника. – Ты солидная птица, какой из тебя птенец? Садись-ка с нами, приятель.

За три месяца, что прошли с ошипа, Стервятник порядком оброс, но всё ещё недостаточно, чтобы летать на большие расстояния, и это его весьма беспокоило. Особенную тревогу вызывали маховые перья. Когда-то солидное, упругое, пышное оперение на крыльях теперь сменилось мягкой подростковой пушистой порослью, держаться с которой в небе удавалось недолго, причём исключительно усилием воли. Вообще-то Грифу сразу после выписки из клиники «Семейный Грач» выдали инвалидные крылья-протезы в рамках программы «Доступная среда для нелетячих и слаболетячих птиц», но он ими не пользовался. Протезы унижали его достоинство. Гриф предпочитал летать самостоятельно, пусть и на короткие расстояния. К примеру, сейчас он горделиво расправил крылья с коротким ёжиком перьев и легко перемахнул за стол к Барсукам Полиции.

– Так что вам, муравьиные яйца пашот? – Койот подобрал блокнот. – Отличный выбор. Это хит нашего нового изысканного меню.

– Ну уж нет, ничего изысканного мне хотя бы здесь не надо! – заявил Барсук Старший. – Мне изысканных жирафов достаточно. Если нечего есть, принеси нам просто мухито, Йот.

– Ты говоришь о жирафах из клана Изысканных, Старший? – Стервятник насторожился. – С чего бы это?

– А ты их знаешь? – вопросом на вопрос ответил Барсук.

– Я... знал их когда-то. Птенцом.

– Ах да, точно. Ты ведь родом из Редколесья. А напомним-ка, Гриф, ты из Ближнего или из Дальнего?

– Из Дальнего. Как только я оперился, мы с матерью мигрировали сюда, в Дальний Лес, и получили статус беженцев.

– А ты был один в выводке? – Койот Йот поставил перед ними графин с осевшими на дно сонными мухами и четыре берестяных бокала.

– Нас было трое. Но выжил только я. Остальных птенцов растерзали хищники.

– Как знакомо! Какое зверство! – Йот всхлипнул. – Хотите кофе?

– Там не принят закон о вегетарианстве? – удивился Барсукот.

– Вот наивный! – Клюв Стервятника слегка задрожал, но он быстро овладел собой. – В Дальнем Редколесье царили и царят страшное зверство, дикость, война и безвластие. Там царя загрызают его собственные подданные при первых признаках приближения старости...

– Царя? Там у них что, монархия? Но ведь в Союзе Смешанных Лесов отменили монархию, – изумилась Барбара. – Верховный вожак запретил царей...

– Да плевали они на вожака и его запреты. Они давно уже заявили о выходе из Союза. Они совершенно неуправляемы. Дальнее Редколесье – это место, где тебе могут перегрызть горло просто потому, что ты поднял с земли упавший сочный плод, на который претендовал более крупный зверь. Это место, где приносят кровавые зверские жертвы богам, чтобы те ниспослали дождь. Это дикое место!

– Они думают, что Небесным Медведям нужна их кровь? – У Барсукота встопорщилась шерсть на спине.

– Они не верят в Небесных Медведей. У них другие боги.

– Какие?

– Боги Манго, – шёпотом ответил Стервятник и трижды клацнул клювом.

– Зачем ты клацаешь? У тебя нервный тик? – спросил Барсукот.

– Нет, это я машинально. Упомянув Богов Манго, в Дальнем Редколесье принято клацать клювом или щёлкать зубами, демонстрируя благоговение. Я так и не смог отучиться от этой привычки.

– А что это за животное – манго? – уточнил Барсук. – В Зверской Энциклопедии Мира его нет.

– Это не животное. Это священный фрукт. Он сладкий, как мёд, сочный, как вымя, и рыжий, как солнце. Боги Манго – это боги плодородия и дождя, боги войны и боги любви... – Гриф Стервятник снова клацнул клювом три раза. – Им служат жрецы-шаманы.

– Шаманы, боги, манги, интересно... – Барбара зажмурилась от восторга. – Я хочу туда!

– Да, будет потрясающий опыт! – Барсукот опрокинул в себя полбокала мухито и заурчал на пятой громкости блаженства.

– Какая дикость! – Барсук Старший раздражённо поморщился. – Жрецы и зверские жертвы.

– Так почему ты заговорил про Изысканных, Старший? – снова спросил Гриф Стервятник.

– Ну... там у них куда-то пропал какой-то жирафик Рафик, – неохотно отозвался Барсук.

– Жирафик Рафик? Пропал? Какое горе! – Гриф Стервятник всплеснул крылом, чуть не опрокинув графин с мухито. – С другой стороны, это значит, Рафаэлла всё-таки родила?! Сорока рассказывала, что эта жирафа бесплодна.

– Тысяча сычей! Откуда наша Сорока знает про бесплодие какой-то там африканской жирафы?! – изумился Барсук Старший.

– Сорока – высококлассный профессионал, – сказал Гриф. – Она собирает новости со всего мира.

– Сорока была высококлассным профессионалом до появления ква-каунта, – сказал Барсукот. – Давайте уже не застревать в прошлом веке, а смотреть в будущее. Будущее – за лягушками.

– Квак! За нами! – подвякнула из-под соседнего столика лягушка с раздутым до неприличия слизисто-зелёным горловым мешком. – Получите сквак! кидку на наш высоко сквак! коростной квак-канал!

– Если будущее за бездушными квакшами, мне такое будущее не нужно. – Барсук Старший отхлебнул мухито.

– И квак-стати, получите свои билеты в Дальнее Редквалесье в кваттачменте, – сообщила лягушка.

– Что? Какие билеты? – насторожился Стервятник.

– Супермышь отправляет нас в командировку в Дальнее Редколесье! – радостно завопил Барсукот. – На поиски жирафика Рафика!

– Но это же смертельно опасно... – прошептал Гриф Стервятник. – Там война. Туда нельзя ехать...

– Где наши билеты? – мрачно спросил Барсук Старший.

– Квак и сказано – в кваттачменте.

Лягушка вытряхнула из своего горлового мешка два измызганных, покрытых слоем тины и грязи фирменных билета на бланках лепестков кувшинки. Барсукот взял один и брезгливо протёр хвостом.

– Авиаперевозчик «Аистиный клин». Из Дальнего Леса в Дальнее Редколесье. Класс комфорта... Тут пятно как раз где указан класс. Не могу отчистить.

– Почему билеты такие грязные? – Барсук Старший взял второй лепесток кувшинки и потёр лапой. – У меня тоже не видно класс.

– А квак? Квакие ко мне претензии? Я никак не виновата, это проблемы соединения у африканских квак! квакш. У них горловые мешки квак! дыряк! квакие всегда дырявые. Класс был квак! первак! Первый квак! Но раз он заквакан, значит, вы летите эконом кваком!

– Лучше бы Сорока принесла нам билеты на хвосте, – разочарованно пробормотал Барсукот. – Я слышал, что у «Аистиного клина» экономкласс ужасен. Там не разрешают включать блаженство, выпускать когти, не дают бесплатную валериану, нельзя брать багаж...

– Но это же смерти подобно! – воскликнул Гриф.

– Вот именно, а ещё там запрещено сворачиваться клубком! – добавил Барсукот.

– Я не про «Аистиный клин», я про саму поездку. – Клюв Стервятника задрожал. – Барсук Старший, оттуда не возвращаются.

– Принесу-ка я вам «Пни-Колоды» от заведения, – сказал койот Йот. – Это будет прощальный ужин. Ну, раз вы не вернётесь... Два «Пня» за пятый столик! – завопил Йот.

– Почему только два? – глухо спросила Барбара.

Её усики нервно подёргивались, шерсть на лбу лоснилась от напряжения.

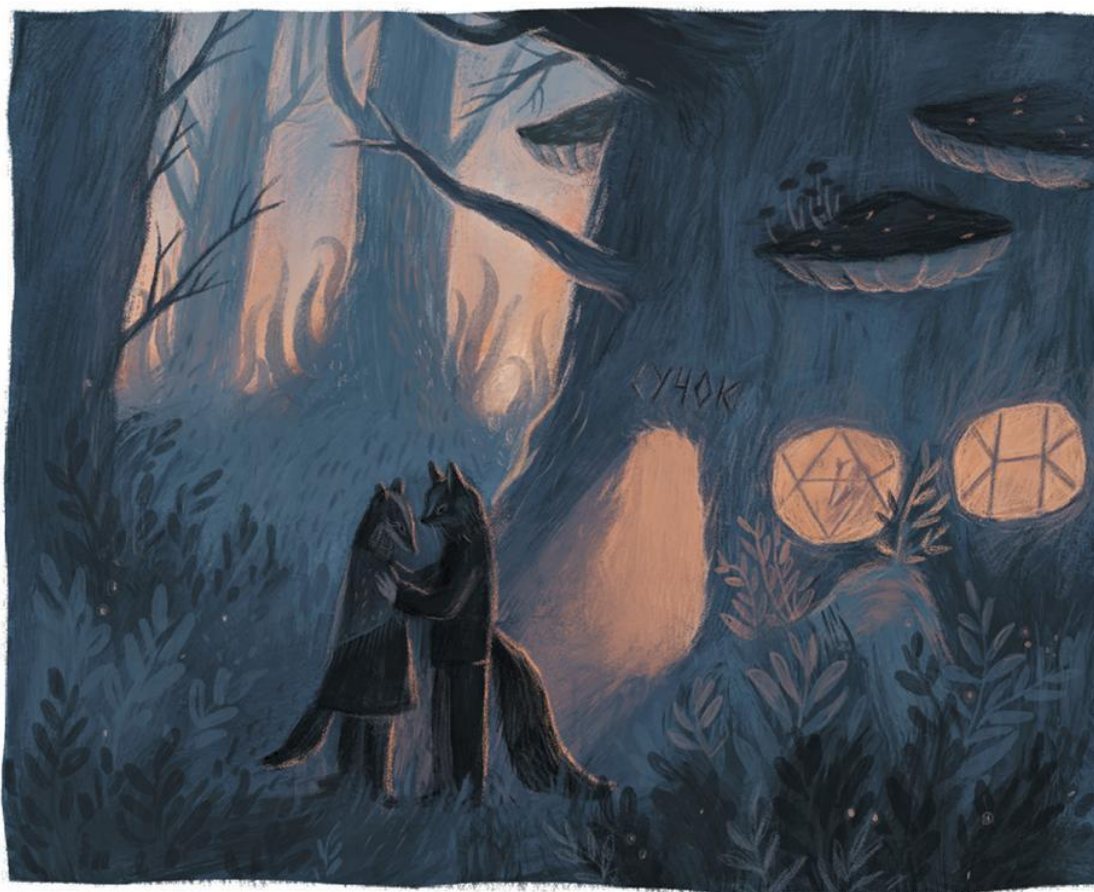
– «Пень-Колода» – сытное блюдо, двух вам хватит на всю компа...

– Я не про «Пни-Колоды». Я про билеты. Почему билетов только два?

– Может быть, африканские квакши потеряли третий билет? – предположил Барсукот. – Может быть, пошлём Сороку его найти и подобрать?

– Никакого третьего биквака не было! – возмутилась лягуха. – Суперквакша... то есть Супермыкша к нам прикваттачила только два лепестквача. Это командиквача для двоих.

– И кто же эти двое? – Барбара посмотрела в глаза Барсуку Старшему. – Кого из нас ты берёшь с собой, папа? Меня или Барсукота?

Глава 3, в которой намечен брачный период

– Как он мог? Как он мог так со мной поступить?! – голос Барбары сорвался. Слёзы и дождь текли по её усам, заливали шёлковую шерсть на груди. – Почему он выбрал тебя? Ведь ты ему не родной! Я ничтожество, в этом дело, да, Барсукот? Я плохой Барсук Полиции Дальнего Леса? Меня взяли на работу из жалости?

Грянул гром: Небесный Медведь снова злился на своего Медвежонка.

– Вовсе нет, Барбара. – Барсукот хотел погладить её по мокрой спине, но она отстранилась. – Барсук Старший оставляет тебя здесь за главную. Это очень большое доверие. И большая ответственность. А вот мне он доверяет куда меньше. Он считает меня слишком порывистым, импульсивным. И поэтому хочет держать меня при себе. Понимаешь? Чтобы я здесь один не наворотил каких-нибудь глупостей.

– Это он тебе так сказал? – с надеждой спросила Барбара.

– Да, – соврал Барсукот и покосился на окно бара «Сучок», на сутулый силуэт Барсука Старшего, склонившегося над бокалом мухито. – Он именно так и сказал.

– Но когда он это успел сказать? – недоверчиво уточнила Барбара.

– Когда ты выбежала из бара. Прежде чем я пошёл тебя догонять.

– Я буду так скучать по тебе, Барсукот! – Барбара обняла его, прижалась своей мокрой шерстью к его мокрой шерсти.

– Я тоже, Барбара.

– Но ведь ты же вернёшься, правда? Вы ведь оба вернётесь? Не погибнете там, в саванне?

– Не погибнем, – пообещал Барсукот.

– Хорошо. А когда ты вернёшься, мы сразу с тобой поженимся, правда?

– Ну... возможно... – пробормотал Барсукот. – Всё зависит... э-э-э... от сезона... Мне не кажется, что зима – хорошее время для свадьбы. Вот весна – другое дело, совсем другое...

– Ты не хочешь на мне жениться, – с горечью подытожила Барбара и отошла на шаг. – Ты боишься и ищешь отговорки. Раз не хочешь – так и скажи: не хочу. Я, знаешь ли, силой самцов не держу.

– Нет, не то чтобы я не хочу. – Барсукот обнял её снова. – Просто это... нелёгкое решение для любого самца. Знаешь, я даже ходил к Мыши Психологу, чтобы в себе разобраться.

– И как, разобрался?

– Да. Мышь сказала, что отношения с другим видом обречены. Что межвидовые браки до добра не доводят. Что мне следует найти самку моего вида. А с тобой просто дружить.

– И ты будешь со мной просто дружить?

– Нет, конечно. Я ходил к ней специально, чтобы получить совет и сделать наоборот. Не хватало ещё слушать какую-то серую мышь и всю эту чушь про виды! Барсукот – мой вид. – Он увидел, как лужа под ним темнеет: дождь смывал нарисованные на морде полосы. – Барсукот – подвид барсука. Я чувствую себя барсуком. К сычам сомненья! Я женюсь на самой лучшей на земле барсучихе, как только вернусь из Дальнего Редколесья!

Дождь почти перестал, над их головами повисла бледная радуга: Большая Медведица подвесила её в небе, чтобы утешить своего Медвежонка. И небо снова стало чистым и ясным, потому что он засмеялся.

И Барбара тоже засмеялась.

– Обещаешь? – Она пощекотала Барсукота за ухом.

– Обещаю.

...Барсук Старший допил тягучий, терпкий мухито и принялся выковыривать из графина и жевать забродивших мух. За окном обнимали друг друга его взрослые дети, родная дочь и приёмный сын, которым было плевать на то, к каким они относятся видам. В отличие от него.

Он почувствовал себя устаревшим, толстым и глупым. Винтажным, как его информант Сорока.

К счастью, в этот момент койот Йот поставил перед ним «Пень-Колоду». Утешительный кулинарный шедевр на все времена.

Глава 4, в которой дают команду на взлёт

– Я не понял. Вы что, собираетесь меня пеленать? – Барсукот на всякий случай выпустил когти.

Он лежал на спине на фирменной белой пелёнке с траурным чёрным кантиком и нервно размахивал хвостом.

– Совершенно верно. Уберите когти. – Сотрудница «Аистиного клина», аистесса в унылой чёрно-белой униформе, протянула хвост Барсукота между его задними лапами вместе с углом пелёнки, прижала к животу, накинула сверху левую часть пелёнки, угол заправила Барсукоту под спину. – На длинных рейсах при перелётах экономклассом мы используем жёсткое пеленание клиентов.

Аистесса согнула лапы Барсукота, так же прижала их к животу, накинула сверху правый край пелёнки, натянула, заправила за спину, перевернула спелёнутого Барсукота на живот и туго завязала на спине пелёночные углы, оставив торчать из свёртка только морду со свежена-рисованными чёрными полосками и вытаращенными зелёными глазами.

– Ой, ты похож на маленького новорожденного барсучонка! – умилилась Барбара.

– Мне очень тесно! Я не могу шевелить лапами! Я не могу выпустить когти! – запаниковал Барсукот.

Рядом с ним на взлётной поляне ещё один аист деловито пеленал Барсука Старшего. Тот кряхтел, но не жаловался. В небе над поляной нетерпеливо наматывали круги другие сотрудники «Аистиного клина» со свёртками в клювах: это был чартерный межконтинентальный рейс, совместный с африканской компанией «Китоглавиа», большинство пассажиров летели из Дальних Сопок, в Дальнем Лесу частичная посадка выполнялась, только чтобы подобрать Барсуков Полиции. Выше всех парил Китоглав – аистообразный вожак клина с огромным клювом, формой и цветом напоминавшим корягу.

– Все не могут, вы такой не один, – сухо отозвалась аистесса. – Шевелить лапами на протяжении всего полёта необходимости нет. В случае дождя сотрудник компании накроет ваши уши и морду свободным концом пелёнки.

– Но ведь пелёнка промокнет!

– Эта – да. А вот в первом классе для выпь-пассажиров мы используем только непромокаемые пелёнки. А ещё кормим выпь-пассажиров из клювика. В следующий раз путешествуйте первым классом.

– А младенцы? – вклинилась Барбара. – Неужели младенцы тоже мокнут в полёте? Или младенцев вы всегда доставляете первым классом?

– Каких младенцев? – Аистесса брезгливо нахохлилась.

– Ну как... таких... ведь вы же приносите новорожденных в клюве?

– Мы не приносим младенцев. Это полная чушь, распространяемая Ниной Палной и ей подобными. Перевозка новорожденных на всех наших рейсах строго запрещена. Мы берём в полёт только взрослых зверей и подрощенных детёнышей.

– Но тогда почему же...

– Потому что Нине Палне и ей подобным снизу мерещится, что в наших свёртках – младенцы. Но уж вы, сотрудник полиции, могли бы не повторять эти глупейшие сплетни... Всё, взлетаем. Провожающих просим освободить взлётную поляну.

– Барсукотик, до встречи! – Барбара чмокнула Барсукота в горячий трепещущий нос. – Папа, пока! – Она потёрлась щекой о щеку Барсука Старшего. – Я буду ждать вас! Возвращайтесь домой скорее!

С неба раздался пронзительный, тревожный птичий крик. Аисты дождались, пока Барбара отойдёт на самый край поляны, и хором затараторили:

– Вожак «Аистиного клина» дал команду на взлёт. Напоминаем, что наши правила безопасности запрещают выпускать когти на протяжении всего полёта. Мы просим котов отключить внутренние приборы блаженства или поставить громкость блаженства на ноль. Счастливого пути!

Аисты-перевозчики подцепили клювами свёртки с Барсукотом и Барсуком Старшим и побежали по поляне, раскинув чёрно-белые крылья и неумолимо наращивая скорость.

– Я не кот! – болтаясь в клюве у аиста, завопил Барсукот.

Аисты оторвались от земли, взмыли ввысь и пристроились в хвост к парившим в небе товарищам. Барбара смотрела, как оба свёртка – с её отцом и её женихом – стремительно уменьшались, пока не слились с уносившими их птицами и не превратились в две тёмные точки, неотличимые от других тёмных точек аистиного клина, устремившегося на юг.

Ещё минута – и птичий клин исчез в облаках. Барбара смахнула с усов слезу, помахала лапкой равнодушному, набрякшему дождём осеннему небу и побрела в участок.

Уйти в работу с головой, с хвостом, с ушами – вот всё, что ей оставалось. Её оставили тут за главную – и она оправдает доверие.

Глава 5, в которой навигация неисправна

Он мечтал о дальних странствиях с детства – но не думал, что они обернутся таким кошмаром. Почти сразу началась линька на нервной почве. Клоки шерсти со лба, ушей и затылка подхватывал и уносил ледяной ветер. Пышные вибриссы намокли и противно прилипли к морде. Лапы затекли, хвост болел и пульсировал то ли от вынужденной неподвижности (в этой дикой, противоестественной ситуации им, конечно же, необходимо было размахивать из стороны в сторону), то ли просто оттого, что туда, в самый кончик хвоста, провалилось от страха сердце. Голова кружилась от тряски и высоты.

Очень скоро – а может, совсем не скоро – Барсукот потерял счёт времени и перестал ориентироваться в пространстве. Он старался не смотреть вниз: вид деревьев, полей и рек сверху вызывал панику. Он, конечно, не раз забирался на дерево и оттуда горделиво взирал на землю. Но с землёй Барсукота всегда прочно соединял ствол, в который он вцеплялся когтями. А сейчас ствола не было, не было вообще ничего, во что он мог бы вцепиться. Он болтался в воздухе, доверившись глупой болотной птице. Птице, которую он не знал. Птице, которая, возможно, больна птичьим гриппом, или не выпалась, или объелась на днях забродившей клюквы. Птице, которой ничего не стоит упасть – или выронить из клюва Барсукота.

– Это что? Мы падаем? Мой аист падает? – то и дело взвизгивал Барсукот. – Почему он так накренился вправо?

– Всё в порядке, просто он поворачивает. – Барсук Старший зевнул.

– Тебе что, скучно?!

– Просто спать хочется. – Барсук зевнул снова. – Ну а что удивительного: зима уже близко... А меня запеленали, укачивают...

– Тебе что, не страшно? – изумился Барсукот. – Твоё сердце не бьётся в хвосте? Ты не боишься упасть?

– А чего бояться? – Барсук Старший попытался пожать плечами, но он был слишком крепко спелёнут. – «Аистиный клин» – надёжная авиакомпания.

– Но полёт же совместный с африканской «Китоглавией». И даже вожак у нас Китоглав. Кто знает, как их там обучают летать.

– Мне кажется, птицы летают плюс-минус одинаково во всём мире.

– Не факт... И вообще, это ведь так противоестественно – болтаться в воздухе! – Барсукот проводил круглыми и чёрными от страха глазами ещё один клочок своей выпавшей шерсти. – Зверь должен быть на земле!

– Ну, живёт же как-то семья Небесных Медведей тут, в небесах... – сонно парировал Барсук Старший.

– А если нет?

– Что «если нет»?

– Если нет никаких Небесных Медведей? – простонал Барсукот. – Мы летим по небу уже сыч знает сколько и пока что ни одного медведя не встретили...

– Что за бред? – поморщился Барсук Старший. – Кто же тогда делает гром, и молнии, и радуги, и дожди, и туман? Кстати, знаешь, откуда берётся туман? Говорят, когда Небесная Медведица вытряхивает толстый ковёр, сотканный из самых высоких туч...

– Ой, не надо про высоту и про тучи! – перебил Барсукот.

– Знаешь что... – Барсук Старший снова сладко зевнул. – Если страшно, ты просто закрой глаза. Вот как я, смотри...

Барсукот посмотрел на Старшего и послушно зажмурился. Но с закрытыми глазами стало ещё страшней: он болтался в промозглой пустой темноте и не слышал ничего, кроме шума

ветра, биения своего сердца и тревожного скрипа, доносившегося с той стороны, где летел Барсук Старший.

– Это что, это твой аист так скрипит клювом, а, Старший?

Барсук не ответил.

– Может быть, у него какая-то неисправность? – Барсукот открыл глаза и уставился на Барсука.

Старший мирно дремал, со скрипом покачиваясь в клюве у аиста.

– Просто взять и заснуть в такой опасный, напряжённый момент?! – Барсукот почувствовал себя преданным и покинутым. А ещё спустя полминуты он вдруг обнаружил, что больше не видит ни Барсука Старшего, ни впереди летящих аистов, ни земли там, внизу. Всё вокруг заволокло непроницаемой, пепельной и холодной, как подшёрсток мёртвого волка, дымкой.

Волна паники, чуть-чуть было отступившая, снова захлестнула Барсукота.

– Аистесса! – завопил он. – Мне срочно нужна аистесса!

Он немножечко подождал, но аистесса к нему не спешила. Барсукот задрожал и включил свой внутренний прибор ужаса на среднюю громкость.

В тот же миг клюв спикировавшей к Барсукоту аистессы высунулся из пепельной пустоты.

– Вожак стаи приказал отключить все внутренние приборы блаженства! – возмущённо затарахтела она. – Из-за вас у нас сбивается навигация!

– Никакого блаженства я не испытываю! – прошипел Барсукот. – Это мой крик души, и я им не управляю. Почему ничего не видно?!

– Потому что мы в зоне тумана. Это нормально.

– Мне нужна валериана! Мне срочно нужна валериана!

– Мы не можем вам её дать.

– Почему?!

– По нашим правилам мы выдаём на борту валериану только котам. Вы не кот. Об этом мы сообщили на взлёте.

– Я заплачу за неё! Пожалуйста!

– Вы не кот. Сожалею, но это распоряжение Китоглава. Валериана – только котам.

– А Барсу-котам? – Барсукот старательно выделил слово «котам».

– Барсук-отам... – аистесса выделила слово «барсук», – валериана при перелёте не полается.

Ужас в Барсукоте включился на максимальную мощность.

– Прекратите сейчас же! – крикнула аистесса. – Вы мешаете навигации!

– Не могу, – прошептал в ответ Барсукот. – Я этим не управляю...

До сих пор он и сам не знал, что способен издавать такой жуткий, низкочастотный гул, да при этом ещё и вибрировать.

– Дайте ему валерианы! – послышался из тумана хриплый голос проснувшегося Барсука Старшего. – Он кот!

Но аистесса уже растворилась в тумане.

– Я не кот, – тихо сказал Барсукот в никуда. – Ты ведь нарочно ей так сказал, да, Барсук Старший? Просто ради валерианы?

– Иногда приходится врать, – расплывчато отозвался Барсук из пепельной, сырой пустоты.

– Я ничего не вижу, – пропищал Барсукот. – Я как будто ослеп! – Он попытался снизить уровень ужаса хотя бы до среднего, но не преуспел.

– А ты попробуй посмотреть вверх, на лапы твоего аиста. Они яркие. Ты сможешь их разглядеть.

С трудом задрал голову, Барсукот действительно увидел красные лапы нёсшего его аиста. Лапы мелко-мелко дрожали.

«Может быть, зона тумана – это нормально, – подумал Барсукот. – Но вот то, что аист-перевозчик трясётся от страха, – это ненормально. Это плохой знак. Плохой, плохой знак».

– Уважаемые пассажиры! – послышались надсадные вопли аистов из тумана. – Наш вожак сообщил о сбое в системе навигации «Аистиного клина»...

– Ой-ой, спасите! Спасите наши души и туши! – нестройно загалдели в тумане пассажиры.

– ...Сбой связан с невыключенным прибором блаженства одного из пассажиров. Не волнуйтесь, неполадка будет устранена...

– Слава Дугу! – облегчённо выдохнул кто-то из семейства собачьих; семейство летело на юг из Дальних Сопок.

– Дорогие пассажиры, поскольку в зоне тумана полёт без навигации невозможен, Кито-глав принял решение снять пассажира с неисправным внутренним прибором блаженства с рейса.

– Как это – «снять»? – прошептал Барсукот.

– Что значит «снять»? – заревел из пустоты Барсук Старший. – Именем закона приказываю вам, аисты авиации, оставить Младшего Барсука Полиции на борту, иначе я вас арестую!

– По закону вожак клина имеет право снять с рейса любого пассажира, представляющего опасность для других пассажиров или членов экипажа. – Аистесса возникла из тумана прямо перед носом Барсука Старшего. – Ваш Младший Барсук Полиции портит нам навигацию, а это опасно для всего клина. Кстати, вы, Старший Барсук Полиции, тоже будете сняты с рейса.

– Я? За что?!

– За перевес, который вы от нас скрыли. Клюв сотрудника «Аистиного клина» рассчитан на перевозку пассажиров низкой и средней жирности. Вы указали свою жирность как среднюю. Однако абсолютно очевидно, что это ложная информация. У вас высокая жирность. Вы слышите, как скрипит клюв вашего аиста-перевозчика? Ещё немного, и он треснет или вообще отвалится. Мы снимаем вас обоих с рейса прямо сейчас. А с Полиции Дальнего Леса будет списан штраф за порчу клюва и системы навигации... Аисты – перевозчики Барсуков Полиции, приготовиться к высадке пассажиров. Раз... Два...

– Вы что, не собираетесь даже снижаться? – уточнил Барсук Старший.

– Вы нас просто сбросите с высоты?! – заголосил Барсукот.

– В условиях плохой видимости и сбоя в системе навигации снижение не представляется возможным. Пассажиры спускаются и приземляются самостоятельно, в условиях свободного падения. ...Три!

Два аиста-перевозчика синхронно разинули клювы – и выпустили Барсукота и Барсука Старшего.

По-прежнему ничего не видя, Барсукот просто почувствовал, что холодный, серый подшёрсток тумана стал хлестать его по ушам, вибриссам и морде гораздо сильнее. В животе защекотало – как будто слепой котёнок трогал его желудок тоненьким коготком.

– Я падаю, – сказал Барсукот.

– Я тоже, – отозвался Барсук из тумана. – Прощай, сынок.

«А я ведь не смогу напружиниться, потому что я запелёнут. Я разобьюсь», – успел подумать Барсукот, прежде чем в свободном падении вывалился из зоны тумана, прежде чем увидел, как, стремительно вращаясь волчками, к нему несутся снизу острые горные пики, и скалы, и камни. Прежде чем он услышал страшный крик Барсука.

Прежде чем наступила тьма.

Глава 6, в которой качают пустую колыбель

– Засыпают в тревоге и стра-а-ахе дети страуса и черепа-а-ахи, трубказубик трясётся в пелё-о-онках, жаль газельку и антилопё-о-онка, – дрожащим голосом запела жирафа Рафаэлла. – Не успеют сказать даже «ме» и «бе», как гепарды и львы их возму-у-ут себе, баю-бай, и в саванну утащат их колыбе-э-э-эль...

Рафаэлла покачала пустую плетёную колыбельку, смахнула слезу и продолжила петь:

– Страшно зверю родиться в наро-о-оде, неизысканным бы-ыть отро-о-одем, но тебя сотворила приро-о-ода жирафёнком из знатной поро-о-оды...

Она посмотрела на аккуратную стопочку льняных распашонок, на крошечные накопытнички и шерстяные шапочки с прорезями для пробивающихся рожек, на разноцветные шарфики и воротнички для длинной и тонкой шеи, на вышитые гладью слюнявчики. Она сама связала и сшила сыну одежду, хотя обычно Изысканные Жирафы поручали это портным паукам. Но Рафаэлла любила работать копытами. «Ты как простая!» – укорял её муж. Но ей нравилось шить для Рафика. И вот теперь ей не на кого надевать все эти шапочки и распашонки.

Она подняла глаза на портрет сына, висевший над колыбелью. Из рамки на неё таранился огромными изумлёнными глазами, обрамлёнными пушистыми ресницами, озорной, пятнистый, лопоухий жирафёнок с лохматым чубчиком, с крошечными, едва наметившимися рожками и с высунутым лиловым языком.

Портреты Рафика были везде, вся резиденция Изысканных была увешана ими. Вот только портреты не могли заменить самого Рафика. Новорожденного детёныша, долгожданного детёныша, который пробыл с ней так недолго.

– И тебя не посмеет никто-о-о сожрать, ведь тебя защищает вомба-а-атов рать, баю-бай, от вомбатов врагам надо когти рва-а-ать...

– Вомбаты не защитили нашего Рафика, – констатировала свекровь Рафаэлла, Рафаэлла-мать, как всегда, вошедшая в детскую без стука. – Ты зря их вызвала из Эвкалиптового Леса. Они бестолковые.

– Зато вомбаты верно служат Изысканным, в отличие от обезьян и гиеновидных собак, которые в любой момент способны уйти к врагам.

– Вомбаты – наёмники. Их верность покупается за кокоши.

– И замечательно! Я лучше заплачу вомбату за верность, чем получу предательство макаки совершенно бесплатно.

– Верность ни к чему, если она продаётся в комплекте с тупостью. Вомбаты не сберегли Рафика, – упрямо повторила пожилая жирафа. – А потом ещё и упустили опасных преступников...

– Мы казнили всех виновных вомбатов.

– ...преступников, которые, скорее всего, похитили Рафика и убили.

– Его не убили! Не смейте так говорить! Жирафик жив, и мы найдём его! – Рафаэлла закрыла копытом лицо.

– Долго ты собираешься заниматься ерундой, качать пустую колыбель и сопли на копыто мотать?

– Вы считаете, потерять первенца – это ерунда, Рафаэлла-мать?! – Молодая жирафа трагически изогнула длинную шею со всем изяществом и достоинством, на какие была способна.

– Я считаю, нужно действовать.

– А мы не действуем? Всё Редколесье увешано портретами Рафика с обещанием вознаграждения нашедшему. Подняты все вомбаты, все гиеновидные собаки и все мелкие породы обезьян, сохранивших нам верность. На Львиный Стан совершено два налёта. Шаман еже-

дневно приносит растительные и зверские жертвы Богам Манго... – Рафаэлла трижды клецнула зубами, – во имя спасения Рафика. И главное – к нам едут Барсуки Полиции.

– И чем же нам помогут Барсуки Полиции? – Пожилая жирафа подошла к колыбели и заглянула в неё, изогнув морщинистую, дряблую шею. – Чем могут быть полезны какие-то барсуки, когда бессильна целая армия вомбатов, когда бессильны Изысканные?

– Ваш сын и мой муж, Изысканный Жираф Раф, да наполнятся живительной влагой следы его копыт, призвал их из Дальнего Леса, потому что верит в их талант сыщиков. Вы хотите оспорить его решение, Рафаэлла-мать?

– Ну что ты, Рафаэлла! Желания моего сына для меня закон.

– Мне так не показалось. Но, конечно, не мне судить, Рафаэлла-мать.

– Конечно же, не тебе. Что ты знаешь об отношениях матери и детёныша? Ты ведь даже уже не жирафамать. – Рафаэлла Старшая вздохнула. – Я опять единственная жирафамать в клане Изысканных.

– Я тоже жирафамать! – голос Рафаэллы Младшей сорвался на крик.

– Потерявшая детёныша теряет вместе с ним и статус жирафаматери. И не смеет повышать на настоящую жирафамать голос.

Рафаэлла Младшая почувствовала, что рожки её напряглись в инстинктивном желании боднуть обидчицу. Нет, даже не боднуть – а ударить по-настоящему сильно и больно, ударить так, чтобы та упала на каменный пол, заслонила копытами и молила о пощаде. Рафаэлла часто представляла себе этот удар. Пустые фантазии... Её рожки – бесполезные, короткие, покрытые мягкой шерстью наросты, неспособные причинить боль. Вот если бы её собственная мама была жива, она бы не дала свою дочь в обиду этой старухе. Но её мама, заботливая, добрая мама, погибла от жажды, когда Рафаэлла была малышкой. И без мамы малышка выросла ни на что не способной. Даже если бы у неё были рога оленя, она бы не осмелилась их применить. Рафаэлла ненавидела свои рожки. Ненавидела себя саму. Мямля. Рохля. Плохая жирафамать. Вообще не жирафамать.

– Я прошу вас, Рафаэлла-мать, оставить меня сейчас наедине с моим горем, – вежливо сказала она. – Я хотела бы допеть колыбельную, под которую так любил засыпать мой детёныш.

– Ты не можешь петь колыбельную при мне? При матери своего мужа?

– Дело в том, что я собираюсь не просто петь, но ещё и мотать сопли на копыто, Рафаэлла-мать. Я боюсь, это может быть вам неприятно.

– И то верно. – Рафаэлла-мать тяжело поцокала к выходу. – Когда закончишь, приberi на чердаке, я туда уже не дотягиваюсь.

– Вообще-то, у нас есть слуги, – возразила жирафа Рафаэлла.

– Я не могу доверить слугам уборку чердака. Там хранятся ценные семейные реликвии.

– Хорошо, Рафаэлла-мать.

Жирафа Рафаэлла дождалась, когда дверь за свекровью закроется, качнула колыбель и снова запела:

– ...В Редколесье бывает так су-у-ухо, что от жажды жужжат цеце му-у-ухи, спят без ужина гну, без обе-э-эда хнычут деточки у медое-э-эда. А тебе даже в самый беспло-о-одный год я с высо-окой кроны доста-а-ану плод, баю-бай, малыш, самый вкусный и сочный пло-о-од...

Глава 7, в которой отменяют линию горизонта

«Когда зверь заканчивает свой земной путь, его лес исчезает, а зверь попадает на линию горизонта. Эта тонкая линия отделяет небесный мир от подземного. Какого бы цвета ни был при жизни зверь, на горизонте он становится чёрно-белым. Три дня и три ночи зверь ходит по линии горизонта, а семья Небесных Медведей смотрит на него сверху, а семья Подземных Акул смотрит на него снизу, и обе семьи подсчитывают его чёрные и белые пятна. Каждый хороший поступок – белое пятно, каждый плохой – чёрное.

Если зверь прожил достойную жизнь, не захватывал чужих нор, не воровал чужую добычу, не жрал других зверей, а питался только насекомыми и растениями, белых пятен на нём будет больше, чем чёрных, и спустя три дня на горизонт за ним спустится Небесный Медвежонок – и уведёт его к красивой и тёплой небесной норе, в которой зверя встретят друзья и родные, окончившие земной путь до него.

Если зверь при жизни вёл себя дурно, если чёрных пятен на нём больше, чем белых, из-под линии горизонта к нему поднимется Подземная Акула – и утянет его на дно Глубокого Океана. И никогда не будет такому зверю покоя, и вечно будет он бродить в одиночестве по пустынному дну, подгоняемый холодным течением и острыми плавниками акул...».

Так говорилось в Зверской Энциклопедии Мира, в разделе «Мифы и поверья обитателей Дальнего Леса». Так говорил Барсукоту Барсук Старший, когда тот был ещё детёнышем, а Барсук укладывал его спать...

Вот только в реальности Барсукот почему-то сразу попал в холодные воды Глубокого Океана, без всякой прогулки по линии горизонта, без подсчёта белых и чёрных пятен. Да, вполне вероятно, что чёрных пятен на нём действительно больше (он однажды поймал и чуть не съел голубя, он не всегда был хорошим Барсуком Полиции, он совершил массу проступков), но никто ведь даже не потрудился снять с него эту чёртову пелёнку, намотанную аистессой, и нормально подсчитать пятна. Ведь нельзя же сразу кидать зверя Подземным Акулам, даже если зверь не безгрешен, это несправедливо!

«Что ж, надеюсь, хотя бы Барсука Старшего пустили на линию горизонта, – подумал он. – Или сразу повели к небесной норе, ведь Старший наверняка почти белый, может, парочка чёрных пятнышек там и тут. Ну а я ухожу на дно Глубокого Океана, буду вечно бродить там, подгоняемый холодным течением, и акулы будут меня царапать острыми плавниками... Ой. А вот и плавник».

Огромный, блестящий, с металлическим отливом, бритвенно-острый плавник разрезал толщу воды в миллиметре от морды Барсукота. Барсукот зажмурился и прижал уши. Он не видел, но чувствовал, как Подземная Акула с дикой скоростью тащит его на дно. Почти сразу он потерял ориентацию, ему казалось, что дно не снизу, а сверху и что акула взлетает...

А потом он услышал голос Барсука Старшего:

– Барсукот, сынок, какое счастье, что мы тебя отыскали!

– Тысяча сычей, Старший, неужели ты тоже на дне Глубокого Океана? – не открывая глаз, спросил Барсукот.

– Какого ещё океана? Мы с тобой в небе, сынок.

Барсукот открыл один глаз. Он действительно снова был в небе. Прямо под ним проплывали пушистые клочья туч, далеко внизу сияло бирюзовое озеро в кольце гор, а совсем рядом с ним болтался запелёнутый Барсук Старший.

– Барсук Старший, это ты за меня вступился? И поэтому меня забрали со дна Глубокого Океана? И теперь Небесный Медведь несёт нас обоих в небесную нору, да? Удивительно, что Небесные Медведи тоже используют жёсткое пеленание... – Барсукот задрал голову, чтобы увидеть медведя. – Ой-ой-ой! Почему у нашего медведя акульи плавники и... и... клюв?!

– Барсукот, ты меня тревожишь. Где ты видишь медведя? Ты не ударился головой при падении? Мы с тобой упали в горное озеро, но нас выловил Гриф. Он как раз пролетал над озером, когда нас сняли с рейса.

– Какой... гриф?

– Наш Гриф! Гриф Стервятник.

– Наш Гриф Стервятник не может летать после ошипа. И он не похож на акулу. Это ты меня тревожишь, Барсук Старший. Это ты ударился головой! Разве ты не видишь, что мы болтаемся на крюках, которые торчат из незнакомого адского монстра, который тащит нас куда-то по небу?!

– Сам ты адский монстр! – голосом Грифа Стервятника сказал адский монстр. – Между прочим, я только что спас тебе жизнь. Что же я получаю вместо «спасибо»? Унижение. Издевательство над моим состоянием. – Его клюв задрожал. – Да, я вынужден был натянуть эти протезы для слаболетячих птиц. Да, протезы выполнены из эластичных и прочных акульих плавников. Да, протезы оснащены крючками, на которые слаболетячая птица имеет возможность повесить чемодан или сумку. Но это не повод для оскорблений.

– Гриф, дружище, тысяча сычей, я не хотел тебя обидеть, прости! Я так рад тебя видеть! Так рад, что ты нас подхватил! – Барсукот осторожно завибрировал на первой громкости блаженства, чтобы не вызвать сбой в системе навигации Грифа. – Но как ты здесь оказался?

– Я решил, что без меня вам в Дальнем Редколесье не выжить. Я, конечно, не был на родине с птенячих лет, но, по крайней мере, я знаю об этом месте больше, чем вы. Так что я нацепил протезы – и полетел следом за аистиным клином. А когда они вас сбросили...

– Ссадили с рейса, – поправил Барсук Старший.

– ...Когда они ссадили вас с рейса прямо над горами, я поймал Барсука на лету – он падал прямо на скалы, – а тебя вот выловил из горного озера, Барсукот.

– Ты герой, Гриф, когда вернёмся, я выпишу тебе премию. А мне кажется – или ландшафт уже слегка африканский? – поинтересовался Барсук Старший.

Они летели над жёлтой выжженной землёй с редкими приземистыми деревцами, практически лишёнными листьев, и пепельно-серыми, будто расплюснутыми, холмами. Солнце стояло в зените и жгло Барсуку Старшему и Барсукоту их нежные – обычно влажные, а теперь пересохшие и растрескавшиеся – кончики носов. Протезы Грифа, выполненные из акульих плавников, воняли копчёной рыбой. Песчаная взвесь забивалась в глаза, в уши и ноздри.

– Вполне себе африканский, – отозвался Стервятник. – Мы скоро достигнем границы Дальнего Редколесья.

– Страшно представить: если здесь поздней осенью такая жара, то что же творится летом? – пробормотал Барсукот.

– Летом как раз терпимо, – отозвался Стервятник. – Сезон дождей. А вот зимой бывают страшные засухи. Жажда и голод.

– А снега что, зимой нету? – уточнил Барсукот.

– Забудь о снеге. – Гриф Стервятник сделал крутой вираж. – Это земля песка, сожжённого солнцем. – Я снижаюсь. Границу Дальнего Редколесья запрещено пересекать по воздуху.

– Есть что-то ещё, Гриф, что нам надо знать о твоей родине заранее? – поинтересовался Барсук.

– Моя родина – страшное место, Старший, – сказал Гриф, пикируя к посадочной поляне, где как раз распелёнывали пассажиров сотрудники приземлившегося чуть раньше «Аистиного клина». – Здесь не любят чужих. И своих не особенно любят. Если зверь к вам принимается – скорее всего, он хочет вас съесть. Если зверь предлагает вам кров – скорее всего, он хочет заманить вас в ловушку. Если зверь вас угощает едой – скорее всего, в ней отравы.

– Ну а как же тогда тут дружат, ходят в гости и празднуют день рождения?

– В Дальнем Редколесье не празднуют день рождения.

- Почему?!
- Это чёрный день. Худшее, что может сделать зверь или птица, – родиться или вылупиться в этом проклятом месте.

Глава 8, в которой пересекают границу

– Спасибо, что воспользовались услугами «Аистинного клина», – важно прохаживаясь в горячей пыли между частично распелёнутых пассажиров, произнёс скороговоркой Китоглав. – А теперь экипаж «Аистинного клина» и я, ваш вожак, прощаемся с вами. Пассажирам, которые готовятся пересечь границу Дальнего Редколесья, необходимо иметь при себе разрешение и миграционную карту для предъявления пограничникам. – Он уважительно махнул крылом в сторону пересохшего русла ручья, по обеим сторонам которого располагалась стая гиеновидных собак в пятнистой униформе. – Я надеюсь, наш полёт вам понравился.

– Особенно нам понравилось свободное падение в бездну! – раздался пронзительный вопль прямо над головой Китоглава.

Китоглав посмотрел вверх – и с изумлением увидел заходящую на посадку неизвестную птицу-мутанта с акулистыми плавниками вместо крыльев. К внутренней стороне плавников крепились снятые по его распоряжению с рейса пассажиры, один с неисправной встроенной системой блаженства, другой с лишним весом.

– Ты кто такой? – прищурился Китоглав. – Авиаперевозками пассажиров над Редколесьем занимаемся только мы, «Аистинный клин» совместно с «Китоглавией».

– Давно не виделись, Китоглав. – Гриф приземлился на посадочную поляну, взметнув фонтан пыли. – Птенцами мы с тобой частенько летали над Редколесьем, и ты уже тогда любил покомандовать и считал себя главным.

– Гриф? – Китоглав от удивления отвесил нижнюю часть огромного клюва. – Гриф Стервятник? Что с тобой стало в этом твоём Дальнем Лесу? Я слышал, там ужасное падение нравов, но чтобы та-а-ак, банан тебе мимо клюва, кокос тебе в глаз!.. – Китоглав оглядел Стервятника и презрительно сплюнул в песок. – Ты что, из этих, которые чувствуют себя не собой, а кем-то другим? Вы что там, все, что ли, такие, как этот кот, который чувствует себя барсуком? А ты, что ли, птица, которая чувствует себя рыбой? – Он хрипло захохотал. – Поэтому ты ошипался и нацепил на себя плавники? Да вы ж там вымрете скоро, ребята!

– Я – сотрудник полиции. Я был ошипан при исполнении. – Дрожащим от возмущения клювом Гриф принялся распелёвывать Барсукота и Барсука Старшего. – Это мои протезы.

– Не знаю, что вы называете падением нравов, – включился в разговор Барсук Старший, – но издеваться над нелетячими и слаболетячими птицами у нас в Дальнем Лесу не считается хорошим тоном.

– А у нас в Дальнем Редколесье – считается! – Китоглав опять хохотнул. – Нелетячих и слаболетячих птиц мы сбрасываем с высокой скалы. Кто может – тот слаболетит и выживает. А кто не может, тот – бумс! Зачем нам беспомощные нахлебники-инвалиды? В здоровом лесу все звери должны быть сильными и здоровыми...

– Р-р-разговорчики! – громко рыкнул ближайший к ним гиеновидный пёс. – Все пассажиры уже прошли, только эти трое остались!

– Прости, командир. – Китоглав вытянулся по стойке смирно и уважительно клацнул клювом. – Не смею задерживать.

– Пр-р-редъявить р-р-разрешения и мигр-р-р-рационную кар-р-рту для пер-р-рехода гр-р-раницы! – рывкнул пограничник в пятнистой униформе, когда Барсукот, Барсук Старший и Гриф Стервятник приблизились к руслу ручья. У пограничника были большие, круглые, напряжённые чёрно-жёлтые уши, мрачная чёрная морда в обрамлении пегой шерсти и внимательные, недоверчивые глаза.

– Вот, пожалуйста. – Барсук Старший протянул документы на себя и Барсукота. – Всё по форме, выдано Союзом Смешанных Лесов, за подписью Супермышы... – Барсук Старший

вдруг поймал себя на этакой робкой, заискивающей интонации, и она ему не понравилась. – Мы из полиции, – твёрдо добавил он.

– Значит, вы направляетесь в резиденцию Изысканных? – Гиеновидный тщательно изучил и обнюхал документы. – По какому делу?

– Разыскивать пропавшего жирафика Рафика.

– Дело важное, дело нужное, дело срочное, – покивал пограничник. – Только как же вы найдёте жирафика? – Он окинул Барсука и Барсукота презрительным взглядом. – Даже спецподразделение гиеновидных собак, даже три отряда вомбатов, наёмников из Эвкалиптового Леса, не смогли его отыскать. Так что где уж вам?

– Жираф Раф, предводитель клана Изысканных, считает, что нам это под силу. Поэтому он нас и позвал. Вы хотите оспорить мнение Изысканного Жирафа? – поинтересовался Барсук.

– Никак нет, я согласен со всем, что считает Изысканный Жираф, да возрастут хурма и акация на месте его лепёшек.

– Что ж, тогда мы можем идти?

– Тут написано, вы два барсука. – Гиеновидный впился в Барсукота глазами-буравчиками. – А по факту барсук и кот.

– Я – Барсукот! Я – Младший Барсук Полиции Дальнего Леса! – возмутился Барсукот.

– Да, я слышал, у вас там в дальних лесах сейчас в моде всякие межвидовые штучки... – Гиеновидный обнюхал Барсукота, из пасти у него несло падалью и свернувшейся на жаре кровью какого-то пожилого копытного. – Но у нас тут всё как у нормальных зверей. Так что давай, решай на месте: ты барсук или кот?

– Барсук, – пискнул Барсукот.

– Во даёт. – Гиеновидный осклабился. – Ладно, так уж и быть. Вот тебе пропуск, чудо природы... Стоп, стоп, стоп! Эт-та ещё кто такое? Птицерыб? Грифакул? Акулятник? – Гиеновидный преградил дорогу Грифу Стервятнику.

– Это наш сотрудник, он проводит экспертизы, – пояснил Барсук Старший, уже шагнувший вместе с Барсукотом на другой берег ручья, разграничивавшего Ближнее и Дальнее Редколесье.

– Что за птица? – мрачно уточнил пограничник.

– Стервятник Гриф, – ответил Стервятник.

– Документы? Разрешение и миграционная карта?

– Не имею.

– Ты что, шутки со мной решил шутить, птицерыб?

– Понимаете, дело в том, что мы не успели оформить документы на этого сотрудника, – залопотал Барсук Старший, – но он очень ценный, и мы обязательно займёмся оформлением, как только...

– Магоб огнам, – произнёс вдруг Стервятник, глядя гиеновидной собаке в глаза. – Авалс!

– Оннитси авалс, – вытаращился на Стервятника пограничник. – Ыт отк? Ты владеешь древним языком Редколесья, странная птица?!

– Дальнее Редколесье – моя родина, – с достоинством кивнул Гриф. – Я могу пересечь границу по праву рождения.

– Сказать пару фраз на древнем языке недостаточно, чтобы сойти за своего, – осклабился гиеновидный пограничник. – Предъяви клеймо.

– Извольте. – Гриф Стервятник скинул протезы и простёр собственное крыло. – После ошипа клеймо особенно хорошо видно.

На внутренней поверхности крыла Грифа красовалась красная овально-каплевидная метка.

– Ты же говорил, это у тебя родимое пятно, Гриф, – изумился по ту сторону границы Барсук Старший.

- Ну, практически так и есть. Клеймо ставят птенцу сразу после рождения.
- Но зачем? – не понял Барсукот.
- Для учёта птиц на территории Дальнего Редколесья, зачем же ещё, – ответил пограничник. – А то будут летать тут всякие над нашими территориями.
- Так сюда же каждую зиму мигрирует столько птиц! – удивился Барсук Старший.
- Нет уж, это они в Ближнее Редколесье мигрируют. В Дальнем Редколесье гнездование и навигация птиц-мигрантов запрещены. Во избежание шпионажа.
- Ну так как, я могу перелететь границу собственной родины? – Гриф Стервятник принялся надевать протезы.
- Перелететь – нет. – Гиеновидный подёргал ухом, стогая крупную муху. – Но ты можешь оставить здесь рыбы крылья и топтать пешком.
- Почему я не могу пользоваться протезами?!
- В Дальнем Редколесье соблюдается закон естественного отбора. Выживает сильнейший. Использование костылей, протезов, инвалидных упряжек, а также лекарств запрещено.
- Но это же чудовищная жестокость! – возмутился Барсукот.
- Не нравится – валите, – равнодушно парировал пограничник.
- Гриф, я думаю, тебе лучше вернуться назад в Дальний Лес, – сказал Барсук Старший.
- А я думаю, что гордая птица никогда не сдаётся.
- Гриф Стервятник оставил крылья-протезы на пыльной земле и с достоинством переступил границу Дальнего Редколесья.
- Эй, Гиги и Виви! – обратился пограничник к двум подчинённым.
- Те были мельче, чем он, Виви и вовсе ещё щенок, и оба сразу поджали хвосты, услышав свои имена.
- Проводите полицейских Дальнего Леса к «Чёрной стреле». Она мигом домчит их до резиденции.

Глава 9, в которой выход расположен в головной части поезда

– В смысле – внутрь? – Зрачки Барсукота стали почти такими же чёрными и огромными, как разинутая пасть чёрной мамбы. – Вы хотите, чтобы я залез прямо в рот к ядовитой змее?

– Не в рот, а в вагон повышенной комфортности, он расположен в центре состава. – Придворная антилопа изящно коснулась задним копытом середины змеи. – Не волнуйтесь, по статистике, путешествия «Чёрной стрелой» заканчиваются травмами только в одном случае из десяти.

– Позвольте поинтересоваться, сколько поездок совершила эта «Стрела» за минувшие сутки? – спросил Барсук Старший.

– Девять.

– И сколько было у пассажиров травм?

– Ни одной.

– Мне не нравится эта статистика, – пробормотал Барсук Старший. – А что за травмы бывают, можно немножечко поконкретней?

– После того как чёрная мамба заглатывает пассажиров, у неё есть два часа, чтобы донести их до места назначения невредимыми. Через два часа пассажиры начнут перевариваться. Но волноваться не стоит. «Чёрная стрела» не только самый ядовитый транспорт Дальнего Редколесья, но и самый быстрый. С огромной скоростью, с гордо поднятой головой мамба скользит по саванне. Дорога от границы до резиденции Изысканных ни в коем случае не займёт больше двух часов, вам совершенно нечего опасаться. Вас оторвут в целости и сохранности.

– Меня не проглотит змея и не оторвёт, – сказал Барсукот. – Этого не будет. Это исключено. Это невозможно.

Словно в подтверждение своих слов Барсукот распушился и стал похож на меховой шар такого размера, который точно ни при каких обстоятельствах не пролезет в чёрную змеиную пасть.

– Что ж, мы, конечно, не будем вас заставлять. – Антилопа сделала реверанс.

– Правда не будете?

– Правда. Вам просто нужно перейти границу в обратном направлении, дождаться ближайшего рейса «Аистинного клина» и отправляться домой, в Дальний Лес.

– Зачем границу?.. Зачем в Дальний Лес? Я просто доберусь до резиденции своим ходом, я умею рысать довольно быстро.

– К сожалению, это невозможно. Наша страна сейчас находится в состоянии войны, на дорогах неспокойно, и мы не можем подвергать риску наших гостей. Из соображений безопасности добраться от границы до резиденции вы можете только и исключительно «Чёрной стрелой». Кто-то ещё из Барсуков Полиции, кроме Младшего Барсука, отказывается ехать в резиденцию? – Антилопа поглядела на Барсука Старшего и Грифа Стервятника и нетерпеливо махнула хвостиком, не слишком старательно притворившись, что отгоняет муху.

– Я поеду. – Гриф оценивающе оглядел распахнутую змеиную пасть. – Без оперения я, наверное, помещусь.

– Не волнуйтесь, чёрная мамба способна заглатывать пассажиров, которые в два-три раза больше неё в диаметре.

– Тогда я тоже поеду. – Барсук Старший вздохнул. – Я представлю, что это такая тесная, но уютная нора. Это ведь не больно, когда тебя глотает змея?

– Нет, конечно. – Антилопа обворожительно улыбнулась. – Разве что немножко заложит уши.

– А валерьянку у вас дают? – прошептал Барсукот, наблюдая, как Барсук и Стервятник скрылись в утробе «Чёрной стрелы»; змея заглотнула их обоих в один присест без видимых усилий. – С валерьянкой я, может быть, попытаюсь...

– Валерьянку? – Антилопа презрительно цокнула копытцем. – В вагоне повышенной комфортности подают мелиссу, это гораздо лучше. Вкус ярче, успокаивающий эффект наступает быстрее и длится дольше. Можно взять пучок и просто жевать, а можно выбрать настойку на кокосовом молоке.

– На молоке-е-е... – мечтательно протянул Барсукот, но тут же вспомнил, что путь к лакомству пролегает через пасть и внутренности змеи.

– Ну так как? Вас заглатывать – или вы будете провожающим? Провожающих просим отойти от «Чёрной стрелы»! – громко крикнула антилопа, хотя, кроме Барсукота, на горячем пыльном перроне никого не было.

– Заглатывать, – пискнул Барсукот.

Это было не больно. Просто несколько секунд он не видел, не слышал и не мог сделать вдох. Просто несколько секунд его как будто не было вовсе.

А потом сжимавшие его змеиные мышцы разжались, и в тусклом свете крупных, но старых настольных светильников с обломанными лапками Барсукот различил пассажирские кресла и уже успевших в них задремать Барсука и Грифа, а также многочисленных сурикатов – судя по всему, в поезде ехала многодетная колония этих зверей. Единственное же свободное место обнаружилось рядом с рысью не то крупным рыжим котом с лохматыми кисточками на ушах. Тот сидел, развалившись и положив свалившийся, но всё равно довольно пушистый хвост на пустое сиденье рядом с собой.

– Не подвинешься, приятель? – обратился к рыжему Барсукот.

– Хромой шакал тебе приятель, – женским голосом отозвался рыжий, но хвост убрал.

«Чёрная стрела» тем временем тронулась, резко сорвавшись с места, и Барсукот от неожиданности почти свалился на свободное место, лишь в последнюю секунду успев принять грациозную позу и сделать вид, что именно так он и планировал сесть.

– Простите, я не разобрал, что вы – самка, – смущённо пробормотал он. – У вас нестриженные кисточки на ушах, обычно такие носят самцы.

– Нестриженные кисточки... – Соседка презрительно фыркнула. – Я понимаю, Дальнее Редколесье. У нас тут дикость, война и анархия, и все считают, что мальчики должны ходить с кисточками, драться за территорию и никогда не скулить, а девочки должны стричь шерсть на ушах, ловить мышей и котиться два раза в год. Но вы-то!.. Вы, как я поняла, из Дальнего Леса? Мне говорили, там цивилизованный лес, где соблюдаются права самок.

– Так и есть. – Барсукот смутился ещё больше. Ему не хотелось, чтобы Дальний Лес показался жителям саванны нецивилизованным местом. – У нас в лесу никто не обижает самок, и они даже могут работать в полиции, но просто длинношёрстные самки или такие, у кого растут лохматые кисточки, – они стригутся и вычёсываются в салоне «Стригучий лишайник», потому что так красивее. У нас есть Стриж Парикмахер...

– А тебе не нравятся мои кисточки? – перебила вдруг рыжая. – Они тебе кажутся некрасивыми?

– Нет, почему же... – Барсукот оглядел её кисточки. – Они пушистые, очень милые, вам... тебе идут.

Он потянул носом воздух. От рыжей пахло песком пустыни и свежей дичью, влажной молодой шерстью и тёплым молоком, и ещё чем-то, с тонкой ноткой луговых трав и валерьяны...

– И ещё мне очень нравится твоя вонь. Это что-то африканское? У нас в Дальнем Лесу не продают таких ароматов.

– Это не вонь. – Она усмехнулась в усы. – Я просто люблю валяться в траве. Я каракалка Каралина. – Она протянула ему мягкую рыжую лапу. – Для своих – просто Лина.

– Каракалы – это дикие африканские кошки, я читал про них... то есть про вас... в Зверской Энциклопедии Мира! – Барсукот крепко пожал ей лапу. – Ну а я – Барсукот. Младший Барсуко Полиции Дальнего Леса.

Барсукот распушил хвост и выгнул спину – в общем, принял красивую позу. Он ждал восторга или хотя бы зверского интереса. «Ой, вы что, правда сыщик?», «Вы приехали к нам распутать очень сложное дело?» – ну, чего-то такого он ждал. Он хотел произвести впечатление – и действительно его произвёл. Каралина резко отняла лапу:

– Ты из полиции?

– Да...

– Так ты специально сел рядом со мной, чтобы потом за мной проследить? – Её кисточки на ушах встопорщились и стали похожи на иглы. – Ты надеешься, я выведу тебя на него?

– На кого на него? – изумился Барсукот.

– На моего отца, каракала Ала! Ведь Изысканные обвиняют его в похищении их жирафика! Конечно, проще всего повесить вину на дикого старого каракала...

– Но почему? Почему они обвиняют твоего отца?

– Ни слова больше. Я устала и хочу спать. – Каралина демонстративно закрыла глаза и свернулась клубком. – Не пытайся выведывать у меня семейные тайны.

– Мелис-с-са... Кому мелис-с-с-су?... – послышалось шипение из прохода. – С-с кокос-с-совым молоком или прос-с-сто мелис-с-с-са!.. А такж-ж-же з-закус-с-с-ски!..

– Божечки, небесные медведики, тысяча сычков!.. – Барсукот вжался в сиденье и уставился на существо, извивавшееся в проходе и толкавшее перед собой тележку со снеками и напитками. – Кто это?!

– Гадюка-проводница, – не открывая глаз, равнодушно сообщила Каралина.

– Змея внутри змеи?!

– А кто ещё согласится тебя обслуживать внутри змеи?

– Но... оно... она... она же ядовитая?

Каралина сладко зевнула и ничего не ответила.

– Ну и ч-ш-што, молодой зверёк, ч-ш-што я ядовита? Я обыч-ч-чно не плюю клиентам в напитки. Так вы будете мелис-с-совую настойку?

– Да, пожалуйста. – Барсукот только сейчас обнаружил, что от страха автоматически выпустил когти и вонзил их в обтянутое змеиной кожей сиденье. – Мелиссу с кокосовым молоком.

– С-с-смеш-ш-шать и взболтать?

– Да, наверное.

Гадюка поставила перед Барсукотом одноразовый стаканчик из сухого фигового листа, в котором плескался в такт движению «Чёрной стрелы» ароматный нежно-зелёный напиток. Барсукот выпил содержимое залпом и лихо вытер усы. По телу его разлилась волна щекотных, тёплых мурашек: как будто добрый, спокойный зверь почесал его за ухом мягкой лапой, а потом погладил по шерсти от кончиков ушей до хвоста.

– Сколько с меня шишей? – с трудом спросил Барсукот.

– У нас-с тут, молодой зверёк, не ш-шиш-ши, а кокош-ши. Дес-сять ваш-ших ш-шиш-шей – это наш-ша одна кокош-ша, я могу вам прямо здесь поменять по отличному курсу, мелис-са стоит дес-сять кокош-ш, это, получ-чае-с-ся, с-сто шишей!

– Да, давайте... – Барсукот полез в карман за шишами.

– Даже не думай! – подал голос с другого конца вагона Стервятник. – Это грабительский курс! Одна кокоша равна одному шишу! Но чужаков здесь всегда нороят надуть! Кстати, никому, кроме меня, случайно, не кажется, что мы уже часа два ездим по кругу?

– Сложно сказать: здесь ведь нет ни часов, ни окон, – отозвался Барсукот, внимательно и чуть удивлённо разглядывая проводницу. – А вы правда хотели меня обмануть, гадюка? Хотя знаете, что я полицейский?

– А ч-што, по-ваш-шему, полицейским полагаются привилегии? У нас тут, в Дальнем Редколес-сье, профес-сия не имеет значения.

– А что имеет значение? – вклинился в разговор Барсук Старший, которого разбудил то ли голос гадюки, то ли запах еды.

– Как ч-ш-што? – удивилась гадюка. – Конеч-шно, с-сила и х-хитрос-сть.

– А что это у вас тут в коробочках? – Барсук Старший просеменил по проходу к тележке и потянул носом.

– Закус-соч-чки... – Гадюка разложила перед Барсуками Полиции разноцветные пакетики и коробочки. – Действует акц-ц-ция «вс-с-сё по дес-с-сять». Ес-с-сть «Крылатые цукаты» из тараканов, засахаренных в полёте, подкопчённые на солнце хвос-с-стики ящ-щ-щериц, с-с-суш-шёные малярные хоботки, капкейки с безе из черепаш-ш-ш-ших яиц и копытной стружкой, бородавки бородавочника с хрустящей корочкой, вяленые полоски зебры «Чёрно-белое настроение», ну и конечно, наша фирменная энергетическая закус-с-ска кусь-кусь – обо-жравшиеся москиты с кровью животных Дальнего Редколесья, ведь кровь – это с-суперсила. Сегодня у нас есть «Сила льва», «Сила буйвола», «Сила газели» и «Сила мартышки».

– Рекомендую взять бородавки под корочкой! – снова подал голос Стервятник. – Это местный деликатес.

– Дружище Гриф, надеюсь, ты не забыл, что мы не едим себе подобных, а также их бородавки, – сказал Барсук Старший.

Гриф промолчал.

– Но здесь же действуют законы другого леса, – нерешительно возразил Барсукот, которого весьма заинтересовали полоски зебры.

– Мы будем соблюдать законы нашего леса, – твёрдо сказал Барсук. – И мы не станем употреблять в пищу себе подобных.

– С чего это вы взяли, что бородавочник вам подобен? Он – с-свинья, а вы, как я вижу, барс-сук, – удивилась гадюка.

Барсук Старший открыл было рот, чтобы возразить, но вместо этого вскрикнул: что-то больно обожгло ему кончик носа.

– Ой-ой-ой! – пропищал со своего сиденья Барсукот. – На меня что-то капнуло! Что-то едкое!

Громко и жалобно заплакали детёныши сурикатов.

– Дорогие пассажиры, мы вынуждены прекратить ваш-ше обс-служивание... – Гадюка быстренько сгребла закуски на тележку и покатила прочь по коридору. – В с-связи с тем, что наше транспортное с-средство начало выделять желудочный с-сок.

– Я не понял, – прошептал Барсукот. – Эта штука нас что, переваривает?

– Вот казалось же мне, что мы ездим по кругу! – всплеснул полуголыми крыльями Гриф и тут же защёлкал клювом: капля слизи упала с потолка на неоперённый участок кожи, и там немедленно вздулся волдырь.

– Кто пролил мне на спину раскалённый отвар мелиссы?! – Каралина проснулась и выпустила длиннющие, не слишком чистые когти.

– Это не отвар мелиссы, – сказал Барсук Старший. – Это желудочный сок чёрной мамбы.

– Откройте! – Барсукот принялся барабанить лапами в стену «Чёрной стрелы»; послышались чавкающие звуки: вся внутренняя поверхность поезда прямо на глазах покрывалась липкой и едкой коричнево-жёлтой слизью.

Барсукот выпустил когти на обеих передних лапах и с силой вонзил их в стену. Десять маленьких дырочек засочились коричневым и через несколько секунд заросли. А подушечки

пальцев Барсукота покраснели и зачесались. Гриф Стервятник попытался вонзить в стену вагона клюв. Безрезультатно. Клюв легко прошёл через тонкий слизистый слой – но уткнулся в клювонепробиваемый каркас чёрной мамбы.

– С-сохраняйте, пожалуйста, с-спокойствие, – прошипела гадюка-проводница откуда-то издалека. – С-спасибо, что путеш-шествовали «Ч-чёрной стрелой», наш-ш экипаж-ж прощ-щается с-с вами...

– В смысле «прощается»? – выпучил глаза Барсукот.

– В с-случае непредвиденного переваривания я выхож-жу ч-через хвос-стовую ч-час-сть, но вы туда в непереваренном виде не пролезете, – едва слышно отозвалась гадюка.

– И что же нам делать?!

– Выходить через головной выход, то ес-сть через рот. При авариях рот чёрной мамбы должен открываться автоматичес-ски.

– Но он не открылся! Не открылся! – на разные лады загалдели пассажиры.

– Не открылс-ся, – согласилась гадюка. – Я с-сожалею. Вс-сем до с-свиданья...

Голос гадюки смолк: судя по всему, она выскользнула прямо на ходу через хвостовую часть.

– Нам всем нужно бежать в головную часть, к выходу! – скомандовал Барсук Старший. – Всем пассажирам! Если мы дружно навалимся, она, возможно, откроет рот!

Барсукот, Барсук Старший, Стервятник, каракал Каралина и многолетние сурикаты бросились к голове состава, скользя лапами по размякшему полу, – и с разбегу дружно ударились изнутри в наглухо закрытую пасть с надписью «Выход». Бронированные челюсти даже не дрогнули.

– Это конец, – констатировал Барсукот. – Нам её не выбить.

– Пап, а почему дядя кот сказал, что это конец? – подал голос маленький сурикатик. – Мы уже почти приехали, да? Уже почти совсем приехали, правда? Поэтому дядя кот так сказал?

– Обнимите меня покрепче и закройте глаза, – хриплым голосом ответил отец-сурикат. – Мы почти приехали, да. Поэтому дядя кот так сказал.

– Я не дядя кот, – прошептал Барсукот. – Я Младший Барсук Полиции Дальнего Леса.

Желудочный сок, до сих пор сочившийся из неровностей в стенах и изредка капавший с потолка, после их броска стал выделяться интенсивнее: словно в поезде заморосил желтоватый кислотный дождь. Детёныши сурикатов заголосили.

– Должен быть какой-то способ, – сказал Барсук Старший. – Ну же, Гриф! Как открыть ей пасть?

– В Дальнем Редколесье есть зверская поговорка: «Напугавший смерть поедет на кладбище без билета». – Нежная кожа под коротким молодым оперением Грифа вся покраснела, но Стервятник держался стойко. – Это как раз про мамбу.

– Что про мамбу? – завопил Барсукот. – Ты не мог бы не говорить идиотскими африканскими загадками, Гриф?!

– Если надо объяснять, то не надо объяснять, – оскорбился Гриф.

– Это значит, чёрная мамба разинет пасть, если её напугать, это её автоматический жест угрозы, – объяснила Каралина. – Но того, кто её напугает, она проглотит. И он поедет на кладбище без билета «Чёрной стрелой».

– А в нашем случае всё ровно наоборот, – кивнул Гриф. – Нас уже проглотила мамба. Если мы найдём способ напугать её изнутри и мамба откроет пасть – мы спасёмся.

– Как же её напугать? – Барсукот отряхнулся, подняв вокруг себя фонтан желудочного сока. – Она же не реагирует, даже когда мы её царапаем и клюём! Чего эта тварь боится вообще?

– Чёрная мамба боится землетрясений, – сказал отец-сурикат.

Барсукот хотел сказать в ответ что-то грубое – но посмотрел на маленьких сурикатиков, жавшихся к отцу, и ответил просто:

– Землетрясение мы вызвать не можем.

– Вообще-то можем, – сказала вдруг Каралина. – Вернее, могли бы. Если бы здесь помимо меня был хотя бы ещё один зверь из семейства кошачьих.

– При чём тут кошачьи? – не понял Барсукот. – С каких пор они умеют делать землетрясения? Это что, какая-то местная чёрная магия?

– Кошачьи не умеют делать землетрясения. Но они умеют создавать ощущение землетрясения в закрытых пространствах. Однажды мой папа, каракал Ал, и его брат, каракал Ар, сбежали так из тюрьмы. Они вместе стали урчать на максимальной громкости блаженства, и в подземелье, где их заточили, началась дикая вибрация. Охранявшие их вомбаты испугались землетрясения и сбежали. А мой папа и дядя выбрались из камеры на свободу.

– Они перегрызли прутья решётки? – заинтересовался Барсукот.

– Нет, конечно. Путья в той темнице были сделаны из ядовитых деревянистых лиан строфантуса, их нельзя было грызть.

– Тогда как же они выбрались?

– Открыли камеру когтем-отмычкой, как же ещё. Так вот, к чему я. Если бы здесь был ещё один каракал или хотя бы обычный кот, я могла бы с ним вместе включить блаженство. И, возможно, вибрация напугала бы чёрную мамбу, и она открыла бы пасть... Я сначала подумала, что ты кот, но потом оказалось, что ты – барсук... А одна я не смогу создать вибрацию нужной силы.

– Я – барсукот, – с гордостью сказал Барсукот. – Это такой специальный подвид барсука, который обладает некоторыми свойствами кошек. В области настроек блаженства мне просто нет равных. У меня огромный диапазон.

– Что ж, тогда нам надо срочно представить что-то приятное. – Каралина оглядела колышущееся слизистое змеиное нутро. – Потому что здесь удовольствие получать не от чего. Лично я представляю, как я катаюсь в свежей траве на закате солнца, – а ты как хочешь.

И она закрыла глаза и заурчала на первой громкости блаженства, а спустя несколько секунд переключилась на вторую.

Барсукот попробовал представить стакан молока (не сработало), потом стакан мухито (не сработало), потом оба стакана, стоящие на столике в любимом баре «Сучок», а к ним ещё и фоновую музыку в стиле плеск-треск. Немного сработало, включилась первая громкость блаженства, но в ту же секунду Барсукот зачем-то подумал о том, что бар «Сучок» он больше никогда не увидит, и блаженство немедленно отключилось, да ещё и с премерзким треском. Тогда Барсукот постарался представить себя и Барбару в уютной норе в окружении маленьких барсучат. Ведь семейное счастье – замечательный повод для блаженства, ежу понятно. Но блаженство не хотело включаться, воображаемые барсучки в воображаемой уютной норе вопили громче, чем реальные сурикатики, барсучиха Барбара в засаленном фартуке совала ему в рот воображаемых жирных личинок, которые противно воняли.

«Хорошо этой Лине, – подумалось Барсукоту. – Хорошо ей, наверное, кататься в траве на закате». И тогда он почему-то представил, что катается в траве вместе с ней, а вечерний ветерок играет с её пушистыми кисточками, и она забавно подёргивает ушами, а он тихо снимает колючку, прилипшую к её лохматому, густому хвосту, и она проводит хвостом по его щеке, и они оба смеются...

...Барсукот и сам не заметил, как включилась максимальная громкость блаженства. Каралина тоже урчала на полную мощность, и от их дуэта мчавшая через саванну «Чёрная стрела» вибрировала так, словно земля под ней содрогалась и тряслась крупной дрожью.

Когда ты поезд, ты думаешь очень мало. Когда ты поезд, ты обычно вообще не думаешь. У тебя есть встроенная программа движения и анализа данных. У тебя есть автоматические рефлексy. Если ты поезд, но в то же время всё же змея, и ты чувствуешь, что очень трясешься, тебе становится страшно. Когда тебе страшно, твоя задача – напугать всех вокруг. Показать, какая ты грозная. Если ты поезд, которому страшно, ты экстренно тормозишь. И ты разеваешь свою квадратную чёрную пасть так широко, как только возможно.

...Они вывалились из «Чёрной стрелы» на раскалённый песок, утыканный пожухшим сухим кустарником, – обожжённые, покрытые слизью, но всё же живые. Всё семейство сурикатов мгновенно нырнуло в маленькие чёрные дырочки-норы. Каралина, не попрощавшись, прыгнула в заросли и понеслась прочь.

– Каралина! Лина! – закричал ей вслед Барсукот, но она уже исчезла из виду.

Гриф Стервятник расправил воспалённые крылья и устался в раскалённое добела небо.

Барсук Старший обвёл глазами саванну. Во все стороны тянулась унылая земля, полу-голая, как крылья ошипанной птицы, поросшая редкими хилыми деревцами. На востоке, у самого горизонта, высилась кактусовая крепостная стена, за которой проглядывали баобабовые шпильки резиденции Изысканных.

Глава 10, в которой дают клятву верности

– О Боги Манго, как же это случилось?! – Молодая жирафа Рафаэлла оглядела Барсука Старшего, Барсукота и Грифа Стервятника, покрытых пылью и засохшим змеиным желудочным соком. – Мне страшно жаль, что путешествие «Чёрной стрелой» прошло неудачно.

– Неудачно – это очень мягко сказано, – огрызнулся Барсукот. – Она нас чуть не переварила!

– Как ты это допустила, Илопа? – Старшая Рафаэлла грозно взглянула на придворную антилопу. Та стояла потупившись и возила изящным копытцем по сухому песку. – Я к тебе обращаюсь, Илопа! Почему ты посадила наших гостей в неисправный поезд?

– Но ведь я... но ведь вы... но ведь чёрная мамба... – пробормотала антилопа Илопа.

– Нет и не может быть никаких оправданий! – Жираф Раф возмущённо топнул копытом, подняв в воздух облако пыли.

В тот же миг шаман, вонявший на всю площадь чёрный зверь с седой спиной, покрытой слоем мёда и перьев, ударил в бубен и принялся прыгать, дёргать головой и крутиться вокруг своей оси.

– Барсук Старший, а этот псих – он что, барсук вроде тебя?! – изумлённо прошептал Барсукот. – Уж больно похож...

– Насколько я помню по Зверской Энциклопедии Мира, это медоед, – прошептал в ответ Барсук Старший. – Действительно, африканский барсук.

– А что с ним?

– Жители саванны, слушайте шамана! – заголосил Медоед, в экстазе извиваясь всем телом и молотя хвостом в бубен. – Наш жираф Раф, как всегда, прав, он большой и строгий, любят манго-боги нашего жирафа, славьте, славьте Рафа, наш жираф обласкан, наш жираф изыскан, славьте же жирафа...

– Хватит! – топнул жираф, и Медоед застыл на четвереньках, с неестественно вывернутой мордой и поджатым хвостом.

Раф был очень не в духе. Вместе с матерью, женой и шаманом он встречал гостей из Дальнего Леса у Врат Резиденции Изысканных, и его чрезвычайно бесило, что церемония приёма гостей начинается не с того, что те выражают своё почтение и дают клятву верности, а с того, что они, Изысканные, перед этими гостями оправдываются.

– Илопа, ты будешь наказана по всей строгости закона Дальнего Редколесья, – сказал Раф. – На растерзание львам тебя отдавать не будем, слишком им жирно. Скинем со скалы или зароем тебя в песок.

– Пошадите! – Придворная антилопа преклонила передние копыта.

– Закон есть закон, – тихо отозвалась Рафаэлла Младшая. – Из-за тебя чуть не погибли очень важные гости.

– С вашего позволения, уважаемая жирафа, я позволю себе вмешаться, – заговорил Барсук Старший. – Как Барсук Полиции с большим опытом, я советовал бы вам сначала всё-таки разобраться, почему доставлявшая нас чёрная мамба вышла из строя, а потом уже кого-то казнить. Ведь весьма вероятно, что вины антилопы Илопы здесь нет.

– Барсук Старший, вы смеее подвергать сомнению решение Жирафов Изысканных? – спросила пожилая жирафамать.

– Прошу прощения, как я к вам могу обращаться? – уточнил Барсук Старший. – Мы не были представлены...

– Госпожа Рафаэлла, – с достоинством ответила пожилая жирафа.

– Я не понял... – Барсук Старший перевёл взгляд с пожилой жирафы на молодую. – В Африке всех жирафов женского пола зовут Рафаэллами?

– Только Изысканных. Вступая в наш клан, жирафа отказывается от своего прежнего имени – и становится Рафаэлкой. Но мы отвлеклись от темы, Барсук. Мне не понравилось, что вы усомнились в нашем решении.

– Моя профессия – сомневаться, госпожа Рафаэлка. Как полицейский, я должен лично всё проверить и перепроверить. Конечно же, если уважаемые Изысканные не передумали поручить мне дело о пропаже жирафика.

– Какое отношение имеет поломка «Чёрной стрелы» к пропаже моего сына? – раздражённо спросил жираф Раф.

– Возможно, никакого. А возможно – какое-то. Это предстоит установить следствию.

– Что ж, так и быть. – Жираф Раф неуверенно взглянул на жену и мать.

– Солдаты! – обратилась жирафамать к стоявшему у неё за спиной вооружённому отряду вомбатов. – Взять антилопу Илопу под стражу. Не спускать с неё глаз. Если вы её упустите, как упустили двух каракалов, – вас казнят.

– Так точно! – Четверо вомбатов увели антилопу прочь.

– Ну что ж, настало время для церемонии. – Жираф Раф выжидательно посмотрел на гостей.

Шаман Медоед снова ударил в бубен и подпрыгнул.

– Церемонии? – непонимающе повторил Барсук Старший.

– Мы должны выразить почтение Изысканным Жирафам, – прошептал Гриф Стервятник. – И принести клятву верности у Врат.

– Что принести? О чём врать? – не понял Барсукот. – Я с собой ничего не взял.

– Клятву верности у Врат Резиденции. – Стервятник дважды клацнул клювом и поклонился Изысканным. – Повторяйте за мной! – прошипел он Барсуку и Барсукоту.

Те неуверенно щёлкнули зубами два раза и поклонились. Изысканные любезно кивнули в ответ.

Шаман пустился в пляс вокруг Барсуков Полиции, молотя в бубен и гримасничая. От него пахло как от художника Скунса, когда тот устраивал особенно мощный перформанс. Птичьи перья, приклеенные мёдом к спине, топорщились во все стороны.

– Мы, Барсуки Полиции, приносим клятву верности Жирафам Изысканным, да наполнят Боги Манго живительной влагой следы их копыт. – Гриф Стервятник снова клацнул клювом. – Повторяйте же! – шепнул он коллегам.

Барсук Старший и Барсукот повторили и щёлкнули зубами.

– Мы клянёмся исполнять приказы Изысканных и защищать Изысканных от врагов до последней капли нашей крови. А если мы нарушим данную клятву, нам полагается смертная казнь.

– А вот на это я не подписывался, – сказал Барсукот.

– Это просто формальность, – улыбнулась Младшая Рафаэлка. – В вашем контракте такого пункта не будет. Но для того, чтобы охрана пропустила вас на территорию резиденции, вы должны произнести клятву. Это очень древняя традиция, которую нельзя нарушать.

– Этого пункта точно не будет в рабочем контракте? – уточнил Барсук Старший.

– Даю вам слово, – сказал жираф Раф.

– И всё равно мне не нравится давать клятвы, которые я не готов выполнять, – с сомнением произнёс Старший.

– Вы должны уважать традиции нашего Редколесья, – сказала жирафамать. – Клятва верности у Врат – часть традиции.

– Хорошо, – Барсук Старший неохотно кивнул. – Давай хором, Барсукот. Мы клянёмся исполнять приказы Изысканных и защищать их от врагов до последней капли жира... ой, то есть, простите, крови. Если мы нарушим данную клятву, нас ждёт смертная казнь.

– Вот и славно, – сказал жираф Раф. – Вомбаты! Откройте Врата гостям.

Глава 11, в которой много врагов

Несмотря на то что поздняя осень считалась самым засушливым временем года в Дальнем Редколесье, Изысканная Беседка, предназначенная для важных переговоров, была увита сочными лианами, а крышу заменяла пышная крона мангового дерева с медово-золотистыми спелыми плодами.

За столом прислуживала личная горничная Рафаэлле Младшей Герочка – жирафовая газель породы геренук, с тонкими, стройными ногами и такой длинной шеей, что Изысканные в шутку называли её «членом семьи». В качестве угощения она подала гроздь бананов, ягоды кофе и, конечно, энергетических москитов кусь-кус.

– Надеюсь, теперь, когда вы отдохнули с дороги и приняли душ, вы чувствуете себя замечательно, не так ли, Барсуки Полиции? – Старшая жирафа, Рафаэлла-мать, положила в рот кусь-кус «Сила льва» и царственно откинулась в плетённом кресле с высоченной спинкой, поддерживавшей её длинную шею. Её сын жираф Раф расположился в таком же, а вот его супруга, Рафаэлла Младшая, равно как и Барсуки Полиции, сидела на табуретке.

– Мы не приняли душ, – сказал Барсукот.

– То есть как это? – удивилась жирафа. – Я же вижу, у вас влажная шерсть.

– Это был не душ. Нас вылизывали гиеновидные псы, – с отвращением пояснил Барсукот.

– Ну а как ещё? Сейчас засуха, и мы экономим воду: всё, что есть, мы используем для питья и для орошения нашего сада. А что не так? Наши собаки прогλισогонены и привиты, они вылизывают чисто и аккуратно.

– Всё в порядке, просто Младший Барсук Полиции не привык к такой изысканной гигиене, – сказал Барсук Старший. – А теперь давайте перейдём к делу? Речь идёт о пропавшем детёныше, и мы не вправе терять ни минуты.

– Да, вот именно! – Барсукот откусил кусок банана, но тут же выплюнул: он оказался безвкусным и жёстким.

Изысканные Жирафы, газель Герочка и Стервятник ошеломлённо уставились на полупрожёванный банан.

– Так нельзя, Барсукот, – с трудом выдавил Гриф. – В Дальнем Редколесье голодают детёныши, а ты плюёшься едой.

– А почему они голодают? – Барсукот обвёл взглядом беседку. – Здесь же столько экзотических фруктов!

– Во время засухи фрукты есть только у нас в резиденции. Все остальные животные голодают. Плеваться бананом – значит выказывать неуважение к их страданиям, – веско сказал жираф Раф.

– Прошу прощения, но этот фрукт очень жёсткий, – потупился Барсукот.

– Просто банан необходимо разделять особым образом, – дрожащим голосом произнесла геренук Герочка. – Снимать с него кожу. Но... но... выплёвывать? В то время как детёныши Дальнего Редколесья умирают от голода?

– А если я съем банан, детёныши не умрут?

– Я сама – мать. – Глаза жирафовой газели наполнились слезами. – Меня больно ранят ваши шутки на эту тему.

– Не смейте больно ранить нашу Герочку, – нахмурилась Рафаэлла Старшая. – Она не просто прислуга, она нам как член семьи.

– А может, мы и правда перейдём к делу? – решительно сказала Рафаэлла Младшая. – При всём уважении к несчастным детёнышам Редколесья, меня сейчас интересует только мой собственный. Мой маленький бедный Рафик.

– Понимаю, – кивнул Барсук Старший. – Расскажите как можно подробнее, при каких обстоятельствах пропал ваш сын Раф.

– Одиннадцать дней назад мы с мужем искупали нашего Рафика и уложили его спать. Мой муж Раф, как вы понимаете, очень занятой и очень изысканный жираф, но он такой прекрасный отец, что всегда находит... всегда находил время на нашего детёныша. Я никогда не настаивала, чтобы Раф участвовал в уходе за малышом, но он сам этого хотел...

– Самцы не должны купать и пеленать детёнышей, – скривилась Рафаэлла Старшая.

– А я хотел, мама. – Раф раздражённо цокнул копытом.

– Желание Изысканного Жирафа – закон, – с видом победительницы кивнула Рафаэлла Младшая. – Так что мы вместе запеленали нашего Рафика и уложили его в колыбельку. Я спела Рафику колыбельную – и мы с Рафом вышли. Через час я вернулась в детскую, чтобы проверить, как он там, наш малыш, хорошо ли спит в колыбельке... А колыбелька... Колыбелька была пуста и слегка покачивалась. Я опоздала совсем немного. Но опоздала. Его украли – и я не успела увидеть кто! – Жирафа заплакала.

Горничная Герочка протянула Рафаэлле фиговую салфетку.

– Похитители оставили следы лап, копыт, хвостов или чего-то такого?

– В ту ночь была песчаная буря. Песок мгновенно скрыл все следы. Но они оставили вот это. – Рафаэлла положила на плетённый столик подгнивший плод манго, на котором были криво выведены два тёмно-багровых слова.

Тот, кто сделал эту надпись, явно с силой водил по коже манго когтем или острым карандашом – и теперь казалось, что плод был ранен, и раны его кровоточили, прежде чем застыли запёкшейся коркой слов: «Отдай власть». Барсук Старший осторожно понюхал манго и потрогал лапой багровую надпись.

– Будь любезен, Барсукот, убери это манго в нашу берестяную корзинку с уликами и вещдоками. – Барсук Старший посмотрел на жирафов. – У вас есть враги?

– У нас много врагов, – не без гордости сказал жираф Раф.

– Я записываю. – Барсук Старший открыл берестяной блокнот.

– Главные наши враги – львы. Именно они борются с нами за власть.

– Полагаете, это они написали на манго: «Отдай власть»?

– Я в этом уверен.

– Очень любопытно. – Барсук Старший сделал пометку в блокноте. – Знаете, у нас в полиции раньше был чудесный Скворец, на которого мы записывали все показания свидетелей. Наш Скворец умел в точности воспроизводить любой голос. К сожалению, его больше нет с нами. И поэтому я вынужден попросить вас троих... – Барсук Старший обвёл взглядом Изысканных, – записать ваши показания прямо ко мне в блокнот, чтобы я ничего не забыл.

Барсук Старший вежливо пододвинул блокнот поближе к жирафу Рафу.

– Я не понял, что писать, – нахмурился жираф.

– Напишите: «Я считаю, что львы похитили Рафика и написали на манго “Отдай власть”». Очень хорошо, спасибо... Теперь вы. – Барсук Старший открыл блокнот на чистой странице и передал его Рафаэлле Младшей.

Рафаэлла послушав кончик карандаша и старательно вывела то же самое.

– Остались только вы. – Барсук пододвинул блокнот Рафаэлле Старшей.

– Я не понимаю, зачем это. – Пожилая жирафа презрительно пнула блокнот копытом. – Вы что, правда не в состоянии запомнить элементарную вещь?

– К сожалению, возраст берёт своё, и память уже не та, – печально вздохнул Барсук.

– Старческий маразм – это что, одно из выдающихся качеств лучшего Барсука Полиции? Я не стану ничего вам писать. Мне нечего добавить к тому, что уже сказали мой сын и его жена, а их показания вы сможете перечитывать перед сном, пока не запомните.

– В таком случае, если вас не затруднит, напишите, пожалуйста: «Я, Рафаэлла Старшая, отказываюсь от дачи показаний».

– Затруднит. – Жирафамать презрительно мотнула дряблой шеей. – Это бессмысленная бюрократическая возня.

– Согласен, – топнул копытом Раф. – Похищение Рафика – дело лап львов. Это очевидно, и тут нечего расследовать, записывать и подписывать.

– Но, позвольте, если вы уверены, что преступники – львы, и расследовать ничего не надо, то зачем вы позвали нас? – изумился Барсук Старший.

– А затем, что наша армия дважды совершила налёт на Львиный Стан – и нашего Рафика там не нашли. Нам нужно, чтобы вы его отыскали.

– Что ж, тогда расследование всё-таки нужно, – удовлетворённо кивнул Барсук. – А позвольте спросить, почему львы воюют с вами за власть?

– Они никак не могут смириться, что они больше не хозяева Дальнего Редколесья.

– А раньше они здесь были хозяевами?

– Раньше их вожак был Царём зверей, он возглавлял не только Дальнее Редколесье, но и все Смешанные Леса мира. Конечно, львиный прайд по этому поводу раздувался от гордости. Здесь все подчинялись львам, а они творили что хотели. Жестокие, хищные твари! В те дни, когда Царь зверей уезжал на *самый верх*... – жираф Раф вытянул свою и без того длинную шею и посмотрел вверх, ткнувшись рожками в сочные плоды манго, – на заседания всяких царьков зверьков, правивших Смешанными Лесами, а уезжал он часто, за главного в Дальнем Редколесье оставался его младший брат по кличке Братан. Психопат, пьянеющий от запаха крови! О, это были ужасные дни, я был тогда жирафёнком, и мама не выпускала меня из дома, мы закрывались на семь замков и дрожали в страхе.

– Так и было, – кивнула жирафамать. – А по Редколесью разгуливали Братан и другие львы, и каждый день они хватали и убивали без суда и следствия невинных зверей, в основном копытных. И пятен крови на песке было больше, чем пятен на моей шкуре... Мы в ужасе ждали, когда Царь зверей приедет домой и их усмирят.

– Но однажды он не приехал. На одном из заседаний все цари и царьки были переименованы в вожakov и вожачков, а нашего Царя зверей свергла Ласка, она назначила себя вожакom Смешанных Лесов, а Царя зверей отправила на пенсию с почестями. После такого унижения он уже не мог вернуться сюда: льва, который позволил сделать с собой такое, позволил отправить себя на пенсию и не загрыз какую-то озверевшую ласку, – такого льва просто сбросили бы со скалы. Сам Братан бы и сбросил.

– Складывается впечатление, что вы тоже не одобряете тот поступок Царя зверей, жираф Раф, – заметил Барсук.

– Ту трусость Царя зверей, вы хотите сказать? – Раф горделиво вскинул голову, снова задел манго – и спелый плод упал на Грифа Стервятника.

– Благословенны и щедрь Боги Манго, – сказал Стервятник и трижды клацнул клювом.

– Тот поступок, хочу я сказать. – Барсук удивлённо покосился на Грифа. – Тот подвиг. Царь зверей покорился Ласке, чтобы предотвратить войну за власть, кровопролитие и зверскую бойню по всему миру.

– Откуда вам знать, чем руководствовался Царь зверей? – Жирафамать смотрела на Барсука Старшего с презрением. – Как бы то ни было, после свержения Царя война за власть, кровопролитие и зверская бойня начались здесь, у нас. Братан самопровозгласил себя новым царём. Мы, Изысканные, не могли этого допустить. Мой муж, покойный Раф Старший, провозгласил вожакom себя. Это было справедливо и мудро. Наш клан Изысканных – самый древний, влиятельный и уважаемый в Редколесье. Нам видней, кто должен править саванной. Не говоря уже о том, что мы всегда имели доступ к ресурсам.

Барсук Старший сделал пометку в блокноте.

– Не понял, доступ к чьим усам? – Барсукот занёс коготь над фиговой салфеткой, чтобы тоже сделать пометку. Он очень жалел, что не взял с собой берестяной блокнот, как Барсук Старший: с блокнотом он выглядел бы солидней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.